

МОЙРЫ СПЛЕЛИ СВОИ НИТИ

по следам
громких дел

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

По следам громких дел. Детективы Т. Степановой

Татьяна Степанова

Мойры сплели свои нити

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Степанова Т. Ю.

Мойры сплели свои нити / Т. Ю. Степанова — «Эксмо»,
2023 — (По следам громких дел. Детективы Т. Степановой)

ISBN 978-5-04-187685-2

«Дорогие читатели, для меня, как автора, эта книга в чем-то особенная. Я давно хотела написать детектив-триллер, где все действующие лица, наши современники — полицейские, свидетели, подозреваемые — под стать персонажам античных мифов. Шаг за шагом продвигаясь к истине, криминальный обозреватель Екатерина Петровская и полковник Гектор Борцов в поисках убийцы становятся свидетелями и участниками кровавой смертельной драмы, в которой заранее нельзя ничего предугадать. Ведь эхо прошлого так обманчиво, а миф непредсказуем... Дорогие друзья, вместе с героями книги я приглашаю вас совершить путешествие. Миф ближе, чем нам кажется. В нем порой страшно, фатально. Но так интересно!» — Татьяна Степанова

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-187685-2

© Степанова Т. Ю., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	43
Глава 10	49
Глава 11	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Татьяна Степанова

Мойры сплели свои нити

Редактор серии А. Антонова

Дизайн обложки Е. Петровой

Издание осуществлено при содействии «Литературного агентства Ольги Рубис»

© Степанова Т. Ю., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Татьяна Степанова – подполковник полиции, потомственный следователь с престижным юридическим образованием, поэтому в ее книгах следствие ведут профессионалы.

Из-под пера автора вышло 50 романов, проданных суммарным тиражом более 8 миллионов экземпляров.

Права на издание детективов Татьяны Степановой проданы в Германию и Польшу.

По книгам «Готическая коллекция» и «Темный инстинкт» сняты телевизионные фильмы.

Главную роль в последнем исполнила Любовь Казарновская. Романы писательницы позволяют читателю побывать в литературной «комнате страха».

Таинственные убийства, почти осязаемая атмосфера преступления, томительное и тревожное ожидание чего-то неведомого, пугающего...

Глава 1

Зевс-громовержец

Он возник на ночной дороге подобно фантому.

Под дождем в сполохах молний он медленно ковылял по пустынному проселочному шоссе. Протягивал вперед руки, словно умоляя их остановиться.

Гектор Борщов резко дал по тормозам. Призрачная фигура застыла в нелепой позе с вздетой вверх правой рукой в трех метрах от капота его внедорожника.

Никто не знает, как бы развивалась *вся эта совершенно невероятная история*, если бы на темной подмосковной дороге Гектор и Катя Петровская, заговорившись, не пропустили поворот на федеральную трассу и не очутились на безлюдном глухом проселке в полях, когда в небе бушевала поистине тропическая августовская гроза.

Молнии сверкали ежесекундно. Удары грома сотрясали облака и землю. Дождь лил стеной. Неудивительно, что в такую непогоду даже навигатор не особо помогал и они просто заблудились.

И вдруг на дороге в свете фар и сполохах молний появился человек.

– Ты больной?! Под колеса бросаешься? Жить надоело? – крикнул ему Гектор Борщов, выскакивая из внедорожника.

Катя замешкалась, возилась с молнией дождевика, который ей привез Гектор.

Когда она вслед за ним подошла к незнакомцу, застывшему, словно в ступоре, на дороге с поднятой вверх рукой, она внезапно ощутила тревогу.

Что-то здесь не так...

Нехорошо...

Скверно...

И этот незнакомец...

Хотя она, кажется, видела его уже и... совсем недавно...

Но то, как он выглядит сейчас, – уму непостижимо!

– Эй, что с вами? Вы в порядке? – Полковник Гектор Борщов сам выглядел озадаченным, а уж он повидал на своем веку немало всякого странного. – Ты откуда здесь взялся?

– Зонт... я поставил его на крышу, зацепив за дверь. Дворники не справлялись. Я вышел их поправить. – Незнакомец смотрел мимо них в темноту, словно и не замечал, что они стоят рядом. Взгляд пустой, бессмысленный. – Вспышка... Я ослеп...

– Какая вспышка? – Гектор заглядывал ему в лицо. – О чем вы говорите?

– Она привязана к пластиковому креслу веревкой!!! – громко хрипло выпалил незнакомец. – Она на террасе дома. Не того, что строится. А старого, деревянного. Я вижу ее... Столько крови... на полу целая лужа... И на стене – брызги... Кровь... кровь...

Пауза.

Катя сразу растеряла все слова и вопросы.

Голос незнакомца, когда он произносил это, внезапно резко изменился – остался все таким же сильным, однако превратился в срывающийся тонкий фальцет.

Нечеловеческий какой-то голос. Птичий.

Или почти детский.

А на вид парню под тридцать или немногим меньше.

И мороз бежит по коже, лишь представишь, что ребенок способен кричать *вот так*.

– Половина ее лица почти отрублена. Топор вонзился со всего размаху. Зубы... она оскала зубы... У нее горлом хлещет кровь. С топором в голове она рванулась и поднялась вместе со стулом, задела стену... Часы с кукушкой... Старые... Они свалились на пол. Желтые

обои в цветочек... Фонтан крови... Она даже не могла закричать. Топор отрубил ей язык... Вспышка...

Незнакомец внезапно выпрямился, вытягиваясь в струну, и с воздетой рукой вертикально, как статуя, начал падать в сторону Кати.

Она бы не удержала его – он грохнулся бы на мокрый асфальт.

Гектор подхватил его под мышки.

– Огонь, – прошептал незнакомец. – В их доме начался пожар.

Синие сполохи – взыв сиреной, возле «Гелендвагена» Гектора остановилась полицейская машина Кашинского УВД.

Катя даже не заметила, как она подъехала, – до того ее потрясли слова незнакомца.

– Что у вас? ДТП? – из машины высунулся патрульный.

– Не авария. Мы сами пока никак не поймем! Человек на дороге. И ведет себя неадекватно. – Катя наконец-то подобрала слово – *неадекватный*...

Именно так в тот момент она и могла его описать.

– Пьяный или нарик? – патрульные приблизились к Гектору Борщову, удерживавшему на весу незнакомца.

Тот не потерял сознание. Не отключился. Он просто словно утратил способность стоять на ногах. Взгляд его был все тот же – пустой и бессмысленный, при этом одновременно устремленный куда-то вглубь, в себя.

– Алкоголем от него не пахнет, насчет наркоты не знаю. – Гектор как мешок встряхнул незнакомца, стараясь поставить его на ноги, – тщетно.

– А почему он так выглядит? – спросил один из патрульных.

На незнакомце были черные брюки и белая рубашка. Галстук-бабочка. Рубашка промокла насквозь и вся пестрела темными пятнами.

Грязь... нет, копоть. Сажа.

И волосы... Его темные кудрявые мокрые от дождя волосы тоже пахли гарью.

Не дым, но гарь...

Запах большого пожара?

Катя огляделась по сторонам – тьма. Она надвинулась на них со всех сторон. Но в ночи нигде не видно зарева.

– Вы из пресс-службы главка ведь, да? – патрульные узнали Катю. – А это кто с вами?

– Полковник Борщов, – Гектор представился сам.

– А шизик, он ваш знакомый?

– Да нет же, нет! – заверила патрульных Катя. – Мы его увидели сейчас на дороге. Он шел оттуда. – Она указала направление. – И он... Слушайте, да это же тромбонист!

– Кто? Какой тромбонист? – Гектор возрился на Катю удивленно.

– На сегодняшних похоронах и поминках начальника здешнего УВД полковника Вардана играл джазовый оркестр – весь вечер в ресторане загородного комплекса. – Катя внимательно всматривалась в лицо незнакомца. – Я его узнала. Он тромбонист джазового оркестра. Гек, он менял тромбоны во время игры – то один брал, то другой. Я еще обратила внимание – его инструменты звучали по-разному, то ниже регистр, то выше, траурные мелодии, причем армянские. И он в ресторане тоже неловко двигался. Он хромал.

– Лужа крови на полу, море крови, – отрешенно, однако очень внятно, четко повторил тромбонист. – Топор разрубил ей лицо. Разрубил ее мозг.

– Он твердит о каком-то убийстве, – объявил Гектор насторожившимся полицейским. – Так, коллеги, сажайте его в свою машину. Может, придется вызвать сюда на место еще кого-то, смотря по обстоятельствам, невзирая на ваши местные печали, похороны и поминки. Мы сейчас с коллегой проедем вперед по дороге – в том направлении, откуда он шел. Глянем, что и как.

Гектор передал тромбониста озадаченным патрульным. Те стали усаживать его на заднее сиденье полицейской машины. Но давалось это с трудом – словно куклу деревянную они заталкивали. У тромбониста не гнулось тело.

Левая брючина его задралась, и Катя и Гектор увидели, что у него вместо ноги – современный стальной протез, на который надет щегольской концертный ботинок.

– Он безногий, инвалид, – Гектор нахмурился. – Катя, мы проедем, посмотрим сами, что впереди на дороге. Мы сейчас вернемся, – бросил он патрульным.

– Может, нарик «Скорую» вызвать? – спросил один из них.

И в этот момент тромбониста бурно стошнило прямо на мокрый асфальт.

– Точно обколотый! Или «колес» наглотался. Ну, урод, если салон нам уделаешь, пеняй на себя! – заорал в гнев патрульный. Милосердие его как ветром сдуло.

Катя и Гектор вернулись в машину. И на малой скорости поехали вперед.

Катя обратила внимание, что за все время, пока они находились на дороге, по глухому проселку, кроме них и патрульных, больше никто не проехал. Ни одной машины. Ни легковушек, ни большегрузов.

Никого.

– Гек, что это такое? – спросила Катя.

– Спокойствие, только спокойствие. – Гектор вглядывался в темноту. – А вон и тачка.

На перекрестке стояла машина с распахнутыми дверями – задней и передней со стороны водителя. Катя и Гектор вышли из внедорожника и направились к ней. Грозовой ливень сменился редким дождем, капли дробились в лужах воды, заполнившей дорожные ямы и выбоины.

Перекресток оказался пересечением проселка и бетонки. Она направо уводила в темноту – Катя с трудом различила очертания какого-то строения за забором на фоне леса. Влево бетонка вилась в поле в направлении рощи. Сквозь деревья мелькали редкие электрические огни.

Дальше по проселку виднелся освещенный съезд к автозаправке, стоявшей вдалеке от дороги. До нее, правда, было весьма прилично.

У брошенной машины с открытыми дверями не горели фары. Катя, подойдя, различила в воздухе сильный стойкий запах гари и нагретого металла. Капюшон черного дождевика, привезенного заботливым Гектором, то и дело сползал ей на лицо, закрывая обзор. Она выглядывала из-под него и путалась в длинном дождевике, словно гном. Гектор откинул капюшон своего черного дождевика и осмотрел машину, салон.

– «Рено Логан» с ручным управлением, старая модель, – констатировал он. – Инвалидка. А это что еще здесь?

На распахнутой двери со стороны водителя находился некий предмет – Катя сначала даже не поняла, что перед ними. Антенна? Но то был большой зонт, напрочь лишенный ткани купола – ее обгорелые ключья свисали вниз с голых обугленных спиц. От зонта несло горячим металлом. Навершие было полностью расплавлено. Пластиковая ручка сторела и тоже оплавилась. Зонт упирался спицами, которые почернели от копоти, в дверь и крышу машины.

– Передняя шина со стороны водителя спущена и обуглена. – Гектор наклонился над колесом. – И диск оплавился.

Он обошел «Рено». Катя держалась за ним. На заднем сиденье – два музыкальных футляра. И клетчатый плед.

– Тромбоны, его музыкальные инструменты, – сказала Катя и...

Споткнулась обо что-то.

Ноги ее запутались в чем-то мягком, мокром.

На асфальте валялся пиджак от концертного смокинга. Катя наклонилась и подняла его. Положила на капот.

– Тромбонист в нем выступал. Они все облачились в черное. Траур же. Весь их джазовый оркестр, – пояснила она.

– Странно приглашать джаз на похороны начальника полиции, – заметил полковник Гектор Борщов. – На таких мероприятиях больше востребованы духовые и литавры, нет?

– Маэстро – вроде знакомый покойного. Его земляк, армянин. Так мне пояснил мой шеф пресс-службы, я тоже джазу на похоронах удивилась. Но это, видимо, дань памяти покойному.

– Диаспора, они друг за друга горой. – Гектор полез в бардачок, вытащил пачку документов. – Бумаги водителя на месте.

Он быстро просмотрел их.

– Зарецкий Евгений Георгиевич. Наш тромбонист?

– Гек, что здесь стряслось? А?

Гектор убрал в карман дождевика документы.

– Есть одно предположение, но давайте, Катенька, сначала посетим автозаправку.

– Машина же до нее не доехала, – заметила Катя.

– Там может быть камера. Вдруг нам повезет? – Гектор взял Катю за руку и повел ее к внедорожнику.

На автозаправке они очутились уже через пять минут.

– На дороге ЧП. Есть пострадавший. Камеры у вас имеются? В рабочем состоянии? – спросил Гектор вышедшего на их сигнал-гудок рабочего.

На автозаправке в поздний час находились всего двое из персонала – заправщик и оператор – он же кассир, он же охранник. Гектор повторил оператору свои вопросы. Катя всегда поражалась его манере моментально подчинять себе всех и все, брать ситуацию под контроль. Вот и здесь, на заправке. Ей даже не пришлось возвещать – полиция! Хотя Гектор Борщов никогда ни к какой полиции не принадлежал. Но общались работники заправки именно с ним и отвечали ему, словно сразу уразумев: этому человеку лучше подчиниться.

– У нас только одна камера в рабочем состоянии осталась. – Оператор покорно, не требуя у Гектора никаких удостоверений и корочек, впустил их в служебное помещение: на столе монитор. – А что случилось-то?

– ЧП почти рядом с вами на проселке. Вы ничего такого не слышали? Подозрительного? – деловито спросил Гектор.

– Гроза с вечера бушевала. У нас в громоотвод как шарахнуло! Я думал, крышу снесет. И потом сверкало и громыхало прямо над нами, очень близко. – Оператор переключил монитор на камеру внешнего обзора. – У нас только кусок дороги прилегающий просматривается. А какой временной промежуток вас интересует?

– Весь, как гроза началась и дождь полил, – ответил Гектор Борщов.

Он расстегнул молнию дождевика и по привычке сунул руки в карманы брюк своего черного строгого костюма.

Катя отметила, что он не сменил свой черный костюм с прошлой ночи, которая ее сильно встревожила. Так и приехал за ней в дальний подмосковный Кашин, чтобы лично забрать ее и отвезти домой с поминок полковника Варданяна.

Они стояли у монитора и просматривали запись с камеры. Ничего. Серый экран. Таймер отсчитывал минуты. Пустая дорога. Ливень. Видимость очень плохая.

– Ни одной машины, Гек, – заметила Катя.

– Не торный у вас тракт, – бросил Гектор оператору.

– Потому что раскопали все впереди, у Разлогов, – ответил тот со вздохом. – Агрохолдинг теплицы новые вознамерился строить, тянут они туда с начала лета газопровод и силовые кабели. Через полтора километра все перекопали. Местные знают, и дачники в курсе, поэтому сюда уже месяц никто не сворачивает. Весь бизнес нам порушили. До осени будут рыть. А при-

езжих, кто впервые здесь, мало. И потом, на повороте на федеральную трассу ГИБДД дорожный знак поставила – объезд.

– А мы, Катя, знак пропустили, – сказал Гектор. – И тромбонист Зарецкий несведущ в здешних местах, кажется, тоже.

На экране монитора не происходило ничего – все та же серая картинка. Катя подумала: нет, они ничего не узнают путного на автозаправке.

Как вдруг...

Гектор что-то заметил, а она, растяпа, как всегда, нет – он потянулся сам к компьютеру и, не спрашивая разрешения, быстро, профессионально переключился на дальний обзор, одновременно укрупняя кадры.

Все размыто, нечетко. Ливень.

Катя увидела на экране монитора машину – светлую, ту самую. «Рено». Она въехала в кадр и остановилась.

Гектор еще больше укрупнил кадр. Видимость ухудшилась, картинку размыло, однако можно было различить, как...

Из машины со стороны водителя вышел человек. Он неловко тянул что-то за собой.

Зонт. Он пытался раскрыть большой черный зонт под проливным дождем в сполохах молний. Раскрыл и... засуетился. Сунулся было к лобовому стеклу, к дворникам...

Зонт... Я пытался поправить дворники...

Катя вспомнила слова тромбониста.

С зонтом в руках ему было это делать сложно, и он водрузил его наверх, уперев в дверь и в крышу машины. Нагнулся, начал поправлять дворник.

Вспышка.

То была молния!

Человек в кадре замер, затем, хромая, торопясь изо всех сил, обошел капот и начал поправлять второй дворник. Повернулся и распахнул заднюю дверь «Рено» – возможно, хотел что-то достать – куртку или плащ...

И в этот момент серый кадр разорвал яркий ослепительный сполох. Зигзаг! Вспыхнуло над самой машиной, над укрепленным на двери зонтом, который сыграл роль...

– Черт, молния ударила прямо в зонт, он стал проводником! – воскликнул Гектор. – Я так и думал, но...

На экране шли помехи. Уже нельзя было ничего различить.

А потом экран погас и таймер отключился, запись оборвалась.

– Зонт сгорел и расплавился, колесо обуглилось, мотор вырубился, тоже, возможно, сгорел. Как только бензобак не взорвался. – Гектор покачал головой. – Ну и ну! Случай на грани фантастики. А тромбонист, куда он делся после попадания молнии в машину?

Он стал сам перематывать запись с камеры вперед – ничего, никаких изображений. Затем снова возникла серая картинка, пошли помехи.

– Зарецкий при ударе молнии находился с другой стороны от зонта, да? – уточнила Катя.

Она все еще с трудом верила в то, что могло произойти. Однако снова вспомнила тромбониста – запах гари от него, пятна копоти на концертной рубашке.

– Здесь временной пробел в час двадцать, – сказал Гектор, сверяясь с таймером. – А еще примерно через четверть часа он возник перед нами на шоссе. Где он был все это время? Что он делал? И что он видел?

– Разве человек, переживший удар молнии, может что-то делать или видеть? – усомнилась Катя.

– Непосредственно в него молния не попала. Речь может идти о контузии. Или о посттравматическом шоке, судя по его состоянию. Но передвигался он сам – мы с вами свидетели. – Гектор обернулся к притихшему оператору автозаправки, который вообще не понимал,

что происходит. – Так, запись эту скопируйте прямо сейчас, при мне. Может понадобится для будущего расследования. Давайте, давайте, шевелитесь, флешка есть чистая? Нет? Нате, скопируйте на мою, – он протянул оператору флешку, которую достал из кармана черного пиджака. – Быстро, быстро, без лишних разговоров. Не пререкаться.

– При расследовании чего, Гек? – тихонько спросила Катя.

– Тромбонист... что-то видел, – так же тихо в тон ей ответил Гектор.

Он забрал флешку с записью, покровительственно поблагодарил работников «за содействие», и они вернулись к внедорожнику, выехали с автозаправки и направились к брошенной машине.

На перекрестке возле нее уже стояли два полицейских авто – патрульная и «УАЗ» подполковника Александра Веригина, временно исполнявшего обязанности начальника Кашинского УВД после столь неожиданной для всех гибели в ДТП прежнего начальника полиции.

Веригина, одетого по гражданской, в темный костюм, Катя видела на поминках в шатрах, установленных на территории загородного комплекса. Когда все приехавшие на похороны начали вечером разъезжаться, он отправился сопровождать до границ Кашина высокое министерское начальство. И вот, видимо, его вернули с полдороги подчиненные.

Глава 2

Гарпии

– Александр Павлович, фамилия водителя машины Зарецкий, он музыкант – тромбонист из джаза, что играл сегодня на поминках. Мы считаем, что в его зонт попала молния. – Катя сама обратилась к подполковнику Веригину, быстро рассказала, что они узнали и увидели на дорожной камере автозаправки.

– Он постоянно бубнил о каком-то убийстве, когда мои сотрудники вызвали меня. Я сначала, как и они, решил, что он наркоман и все выдумывает. Однако он заладил свое, завелся как механический апельсин – «она привязана к креслу, топор отрубил ей пол-лица, вонзился в мозг». Необходимо, конечно, проверить такое. – Веригин глянул на высокого Гектора Борщова, тот молча протянул ему документы, взятые из бардачка.

– А вы кто, собственно? – поинтересовался Веригин.

– Полковник Гектор Борщов.

– Слышал о вас. Как вы в Староказарменске разруливали непростую ситуацию. Кто не знает полковника Гектора Игоревича Борщова. – Веригин криво усмехнулся. – Быстро же сюда вас ветром попутным принесло. Когда такие фигуранты вырисовываются – вы моментально являетесь.

– Какие еще фигуранты? – спокойно спросил Гектор.

– Знаете, кто в той хате живет? – Веригин указал в сторону перекрестка, откуда бетонка уводила направо, в темноту, где скрывалось какое-то строение за забором. – Мамаша Кривошеева с сиделкой.

– Тележурналиста Кривошеева? – переспросил Гектор.

– Его самого. Полгода назад он купил здесь по дешевке дом. Сейчас много собственности на продажу выставлено. Он и подсуетился. В чудного джазиста с похорон шарахнула молния, но не убила. Вызвала этот его ступор – не ступор. Уж и не знаю, что это. Он вроде видел, как кого-то зарубили топором, причем сначала связали. А «Рено» его здесь брошен на перекрестке. Я парня лично осмотрел, когда на место приехал. На нем нет ни следов крови, ни ран, никаких внешних повреждений. Одежда вся мокрая и грязная. От перекрестка до дома Кривошеевых не более трехсот метров. Если музыкант после удара молнии куда-то отправился – что, в общем-то, невероятно, то только в этом направлении. И если что-то и видел, то у кривошеевских старух.

– Давайте сейчас вместе и проверим, – командирским тоном распорядился Гектор Борщов.

Патрульные остались возле «Рено» Зарецкого, подполковник Веригин сел за руль «УАЗа», Катя и Гектор в свой внедорожник, и через пять минут они затормозили возле сплошного высокого забора, в ворота которого упиралась бетонка.

Тележурналист Кривошеев, селебрити... В памяти Кати сразу явился образ – смесь истеричности, хамства, вседозволенности и бешеной озлобленности, почти граничащей с бесноватостью. Странно лишь, что мать столь обеспеченного, известного представителя массмедиа живет в кашинской глухомани, а не в его поместье на Рублевке.

За забором виднелись лишь крыша на фоне деревьев и верхняя часть застекленной террасы...

– Терраса, Гек, – шепнула Катя, когда они вышли. – Тромбонист твердил, что жертву привязали к креслу именно на террасе.

Тьма. Ни огонька.

Подполковник Веригин постучал в запертую калитку:

– Откройте! Полиция!

Нет ответа. Дом выглядел мертвым. Необитаемым.

– Эй! Есть кто живой? – крикнул громко Гектор и шарахнул кулаком в створ ворот.

– Убили старух, ограбили дом, – подполковник Веригин достал мобильный, позвонил патрульным. – Быстро сюда ко мне и вторую машину с маршрута вызывайте! Нам калитку сейчас болгаркой вскрывать придется.

Гектор смерил глазами забор, чуть отошел и... его фирменный удар ногой с разворота в створ ворот!

Стальной замок, запертый изнутри, треснул. Ворота со скрипом распахнулись.

На грохот во тьме раздался истошный пороссячий визг.

В глубине дома на первом этаже зажегся свет. Тень пронеслась по темной террасе. Распахнулась входная дверь, и на ступеньках в свете тусклого садового фонаря появились две фигуры.

Тощая жилистая всклокоченная старуха в некогда дорогом атласном розовом халате, ныне грязном и засаленном. И толстая пожилая женщина крепкого сложения в спортивном костюме.

– Да что же это делается?! – заорала она. – Вы кто такие, чтобы ночью к нам домой вламываться?!

– Полиция... Мы думали... А у вас все в порядке? – Веригин лишь на секунду смутился и замешкался, затем решительно направился к дому. – Почему не открывали нам так долго?

– Да я на унитазе! Что я, с голым задом из уборной полиции открывать полечу? – выходила из себя тетка в костюме. То была сиделка.

Когда Катя вслед за Гектором приблизилась к крыльцу, она ощутила чудовищную вонь, что тяжелыми волнами наплывала со стороны обитательниц дома.

– Рядом с вашим домом ЧП. Мы решили, что к вам грабители забрались в дом, убийцы, – спасаясь от вони, Веригин тоже старался дышать ртом. – Так у вас... все хорошо?

– Нищие голодранцы! – заорала старуха Кривошеева, и ее фальцет снова сорвался на тот самый пороссячий визг, что вспорол темноту.

– А почему у вас свет нигде не горит? В темноте ползаете?

– Так сынок сам лично нам все лампочки вывернул! В июне приехал и повыворачивал – мол, дни и так длинные, ночи короткие. Чего электричество зря жечь? Оставил нам лампочки на кухне, в уборной, да на террасе, где телевизор – ящик его. А верх сплошь темный у нас. Кому рассказать – такой сквалыга, жмот!

В этот момент старуха Кривошеева, никого не стесняясь, задрала полы своего грязного атласного халата, обнажая тощие ноги, и сунула руку в столь же грязные панталоны.

Она с торжествующим воплем выпростала руку наружу – кулак сжимал газовый баллончик!

Гектор с его мгновенной реакцией, схватив Катю в охапку, рванул в сторону. Веригин замешкался, и ему досталась порция «перцовки» в лицо. Он закашлял. Но больше всех пострадала сиделка.

Однако она не растерялась. Сгребла старуху Кривошееву за шиворот халата и силой поволокла ее в дом, кашляя, отплевываясь от «перцовки», изрыгая чудовищные проклятия.

Подполковник Веригин, тоже все продолжая кашлять, тер глаза, старался глубоко дышать после газового баллончика.

– Старые гарпии, – подвел итог Гектор Борщов, когда они покинули негостеприимный участок. – Но самое главное, что обе живы-здоровы. Если что-то и случилось нынешней ночью, то не здесь.

Глава 3

Тризна

– Честно говоря, тромбонист Зарецкий и видеть ничего у старых гарпий не мог, – заявил Гектор Кате, когда подполковник Веригин сел в свой «УАЗ» и был таков, а они вернулись во внедорожник. – Забор у старух высокий, с протезом он бы через него никогда не перебрался. Калитка и ворота закрыты изнутри. Так что... не наше это с вами дело разбираться дальше во всей этой странной истории. А? Не наше? Или... – Он искоса, словно заговорщик, глянул на Катю – непередаваемое выражение Гектора-лицедея. – Все же рискнем – навестим тромбониста в больнице? Может, еще что выложит?

Подполковник Веригин еще до визита к гарпиям приказал патрульным доставить Зарецкого в местную больницу. Патрульные забрали и машину музыканта (она не завелась), на тропе ее поволокли на стоянку Кашинского УВД.

Катя глянула на Гектора и кивнула. Она адски устала, но... Что-то подсказывало ей: невероятный случай с ударом молнии на ночной дороге нельзя бросать сейчас. Надо, по крайней мере, узнать еще хоть какие-то подробности о парне, кричавшем про убийство, якобы случившееся на его глазах. Было убийство или его не было? Реальность или бред, вызванный шоком от удара молнии и контузии? Галлюцинация? Выдумка? Или же... правда?

Да, бесспорно, ей сейчас хватало собственных волнений – после прошлой ночи, когда Гектор встревожил ее до крайности. Но они так и не успели об этом – столь важном и насущном для них обоих – поговорить. А сейчас вдруг подоспела ночная катавасия, в которую они, сами того не желая, окунулись прямо с головой как в омут.

Катя чувствовала: обсуждать их собственные дела с Гектором сейчас не получится. Потому что он желает разобраться в ночном происшествии. Он так решил сам. Он не то чтобы заинтригован – он насторожен.

Неужели поверил чокнутому тромбонисту? Его безумным крикам, что какую-то женщину... на его глазах зверски убили?

Гектор по навигатору отыскал, как добраться до Кашинской больницы, и они свернули на дорогу, петлявшую в полях.

Пока ехали, Катя подробно рассказывала ему о том, чему стала свидетельницей, прибыв в Кашин вместе со всем коллективом пресс-службы и коллегами из главка на похороны местного начальника УВД полковника Карапета Варданяна.

Варданян в главке считался назначенцем министерства, где имел обширные связи. Пять лет назад он получил должность начальника Кашинского УВД, став «варягом», подвинув местных сотрудников, жаждавших продвижения по службе, и все годы был на хорошем счету.

Десять дней назад он возвращался из Москвы в Кашин, и на шоссе на светофоре в его «Лексус» въехала груженная фура, водитель которой заснул за рулем.

В УВД его трагическая гибель стала полной неожиданностью, а похороны все откладывались, потому что на них должно было прибыть в Кашин не только высокое министерское начальство, но и многочисленная родня и знакомые из Армении и стран СНГ.

В небогатом Кашине и места достойного не нашлось – ресторана или отеля, чтобы вместить всех и принять траурные мероприятия по полковнику полиции, которые просто поражали размахом, шиком и дороговизной.

В Кашине жили бедно, скудно и скромно – дальний подмосковный сельскохозяйственный район, где не удалось даже построить железнодорожную станцию, где до горизонта тянулись бескрайние поля картофеля и кормовой свеклы, где местные жители работали в агрохолдингах, на трех молочных фермах, на птицефабрике и зубами держались за любую работу,

потому что ездить куда-то из Кашина на рейсовых автобусах, не имея личного транспорта, было тяжело и долго.

Для поминок по начальнику УВД все же сняли местный загородный комплекс – старый обветшалый дом отдыха с баней и сауной. Ресторан всех не вмещал. И на территории комплекса установили гостевые шатры. Столы ломились от поминальных угощений – диаспора привезла много свежих вкусных продуктов с собой, потому что на Кашинском рынке и в городском супермаркете разносолов особых не водилось.

Хоронить Карапета Варданяна на местном городском кладбище родня тоже не собиралась – после затянувшегося многочасового прощания роскошный лакированный гроб с телом покойного на катафалке в сопровождении полицейских машин отправили на подмосковный аэродром, откуда грузовой самолет должен был доставить его в Ереван, чтобы полковника похоронили вместе с родителями.

Однако из-за грозы погода была нелетной, с аэродрома звонили, что вылет откладывается, и поминки начались с большим запозданием. Уже в сумерках.

В большом шатре приглашенный джаз играл траурные мелодии. Катя пыталась как можно подробнее рассказать Гектору – каким именно она видела тромбониста в нормальной ситуации, фактически на его работе.

Джазом руководил земляк Карапета Варданяна – армянский маэстро. А Зарецкий играл в оркестре сразу на двух тромбонах – ловко менял их, не нарушая ни ритма, ни стройности звука.

Затем к джазу присоединился дудук – национальный армянский инструмент. И его скорбная и древняя мелодия вплеталась в шум погребальной тризны, в разговоры – пересуды за столом, сопровождаемые августовским ночным ливнем, раскатами грома и сполохами молний.

Среди молний то и дело тускнели и гасли гирлянды лампочек в шатрах. Вскрикивал из-за стола кто-то из гостей и на русском и армянском произносил проникновенный длинный тост, где полковник Варданян предстал в самом лучшем свете – Брат! Джан! Друг! Истинный профессионал!

Музыкантов джаза под конец тоже усадили за стол – есть, пить, поминать. И Катя вспомнила, как тромбонист в концертном черном смокинге и галстук-бабочке уложил свои блестящие тромбоны в футляры и захромал к столу. Она видела, что он положил себе полную тарелку эчмиадзинской долмы и со стаканом морса в руке оживленно разговаривал с маэстро – тот, видно, держал его в любимчиках и все советовал попробовать того-сего из армянских национальных блюд.

А затем Катя потеряла тромбониста из вида. Гектор прислал ей сообщение – он приехал в Кашин и ждал ее в машине у ворот комплекса. Катя искала момент наконец-то покинуть затянувшийся погребальный пир. Видимо, откушав, тромбонист Зарецкий тоже уехал с поминок на своем «Рено». Один, без спутников из оркестра.

Катя пыталась вспомнить еще хоть что-то о нем, но в голову лезли отчего-то совсем иные образы. Брат полковника Варданяна, фактический тамада поминок, произносивший погребальный тост в форме проникновенных стихов собственного сочинения. И сестра полковника – приземистая сорокалетняя широкобедрая женщина с зелеными глазами навывкате и крючковатым носом. Она была вся в черном и увешана золотыми украшениями, словно идол. Ее толстые ноги распирали узкие замшевые лодочки от «Прада».

Катя посетовала на себя – сестру несчастного погибшего в ДТП начальника полиции рассмотрела и по косточкам разобрала. А тромбониста... Ладно, хорошо, что вообще узнала его на дороге. Что еще он делал в шатре, кроме игры на своих тромбонах? С кем общался на поминках, помимо руководителя джаза? С кем разговаривал?

– Я не видела, как приехавшие на поминки шли к машинам, как уезжали, – закончила она свой простенький рассказ. – Я сама стремглав под ливнем помчалась...

– Ко мне. – Гектор улыбался ей.

Он тогда подогнал «Гелендваген» к самым воротам загородного комплекса и ждал Катю на улице, облачившись в дождевик, держа наготове другой точно такой же. Он набросил дождевик на ее плечи, обнял и буквально умыкнул сразу в машину.

– Я и сам внимания не обращал на уезжавших, половина пьяные в стельку. Осоловелые от еды и возлияний. – Гектор усмехнулся. – Шишки большие. Крутой банкет. Бешеные траты. А покойник-то – всего-навсего какой-то начальник деревенского полицейского управления. Ну, земля ему пухом. Я в покер играл, пока вас, Катя, ждал. Онлайн-покер.

По тому, как он это объявил, Катя поняла: ни в какой покер он не играл. Хотя большой любитель. И никогда не проигрывает, лишь повышая, взвинчивая ставки, идя на риск.

И вновь прежняя тревога – сомнения прошлой ночи вернулись в ее сердце.

Им бы об этом сейчас с Гектором поговорить, однако...

Вот и здание кашинской городской больницы на фоне светлеющего утреннего неба. Они на месте.

Больница располагалась в старом здании, похожем на двухэтажный барак. В приемном покое стены выкрашены болотной краской. А на стенах допотопные плакаты доисторических времен, наглядная демонстрация, во что превращается печень пьяниц под действием цирроза. Актуальная информация для города Кашина, где с бутылкой всегда дружили и находили в ней утешение и покой в трудные темные времена.

– Я из полиции, сотрудница областного главка, – представилась Катя в приемном покое дежурному врачу-терапевту, женщине лет сорока, полной низкорослой блондинке. – Коллеги здешние доставили к вам ночью пострадавшего от удара молнии. Как он? Как его состояние сейчас?

– Да, его к нам привезли. И потом, позже, документы его. Зарецкий Евгений. Полицейские нам сказали – вроде пострадал от удара молнии. Я никогда с подобным в своей врачебной практике не сталкивалась. Да и признаки у Зарецкого отсутствуют классические. Я ему, конечно, сразу сделала кардиограмму. Она нестабильна, однако ничего серьезного. Но его психическое состояние было столь необычным... Он без умолку твердил о каком-то ужасе. О топоре, которым разрубили кому-то лицо. Отрубили язык. И он говорил о пожаре в доме! Он нас всех здесь просто напугал. Он ни на что не реагировал, как мы ни старались привести его в чувство. Только кричал без умолку... Полицейские сначала вообще заявили: он, скорее всего, наркоман. Сестра взяла у него кровь на анализ. Может, правда какие-то препараты спровоцировали такое его состояние, психотропы? Хотя я ничего не могу утверждать. Надо дождаться результатов анализа.

– А где он сейчас? – спросила Катя.

– Мой сменщик, когда услышал о поражении ударом молнии, настоял, чтобы его поместили пока что в реанимацию. Его личное решение, перестраховался он. Я со всеми этими событиями на вторые дежурные сутки здесь вынуждена была задержаться, потому что переработала свою смену.

Катя поняла, что в рассветный час доктор уже сдает свое затянувшееся дежурство. И они направились в сторону реанимации.

К ним вышел молодой врач-реаниматолог.

– Не пущу вас, – отрезал он. – Ему сделали два укола, и он заснул. Зарецкий одновременно был и заторможен, и крайне возбужден. А это небывалые, несовместимые вещи. Я никогда с подобным не сталкивался. Он все орал про убийство. Про пожар. У него самого начался сильнейший озноб.

– Его лихорадит? – уточнил Гектор.

– Конечно, он простудился под дождем, – ответил врач.

– Можно посмотреть его вещи?

Они ждали, пока врач их вынесет. Он принес мокрые грязные брюки, рубашку, ботинки в полиэтиленовой сумке и... протез.

– Мы его переодели в больничную робу. Я его сейчас проверил. Он спит, и у него поднимается температура.

Гектор и Катя сами внимательно осмотрели одежду. Никаких следов крови. Копоть, сажа и грязь. Гектор изучил подошвы ботинок.

Врач за ним наблюдал.

– При ударе молнии разряд может выйти через подошву. Я тоже сразу все проверил. Но непосредственно в него молния не попадала. Если бы такое произошло, вряд ли бы он выжил.

– Молния попала в зонт и в машину, рядом с которой он находился. – Гектор осмотрел протез. – Как, на ваш взгляд, он мог передвигаться после контузии?

– Я считаю, что нет.

– Но мы видели, как он шел по дороге.

– Ну, может, и шел – минут пять. Я считаю, что он лежал в беспомощности в какой-то луже в кювете, и довольно долго. Его лихорадка для меня свидетельство, что он жестоко простудился. Как бы до пневмонии дело не дошло.

Врач был чересчур молод и заносчив. Самонадеян. Катя и Гектор выслушали его умоЗАключения вполуха.

Катя хотела вернуться к дежурному врачу приемного покоя – та принимала больного тромбониста и видела его в первые часы после доставки в больницу. И Катя больше доверяла ее словам и опыту. Однако доктор уже ушла домой.

Окончательно рассвело. Грозовая ночь закончилась. Утро – серенькое, туманное и ненастное – вступало в свои права.

Глава 4

Персей

– Гек, а таблетки...

– Принял все вечером, когда вас ждал. Наглotalся. – Гектор смотрел на Катю – они сидели в машине. – Катя, а давайте в УВД заедем, я здешнему шерифу флешку отдам с записями с камеры автозаправки. Пусть сам решает, что дальше делать с чокнутым тромбонистом. А вдруг он что-то новое о нем раскопал, а? Расколем его.

Катя понимала: дело не во флешке. Просто Гектор резко меняет тему, не хочет обсуждать сейчас то, что ее так волнует и тревожит с некоторых пор. Кашинские события для него сейчас словно щит. Но вид у него невозмутимый. Вдруг он и правда до крайности сам заинтригован? Или чего-то ждет, не торопится пока покинуть Кашин? Каких-то событий? Фактов? Известий? О чем?

По пути в Кашинское УВД Гектор попросил Катю рассказать ему, что ей известно о нынешнем исполняющем обязанности начальника полиции Александре Веригине. И Катя поведала ему, что знала.

Веригин начинал в полиции на транспорте столичного региона. А затем перешел в авиаотряд – летал вместе с опергруппой на полицейских вертолетах, когда осуществлялось патрулирование с воздуха массовых мероприятий или выпадали лихие погони за преступниками и угонщиками авто.

Затем Веригин вернулся в транспортное управление, в аэропорт Шереметьево, и именно там он в одиночку выследил маньяка – мафиози Кокосова по кличке Кувалда. Веригин обратил внимание на подозрительную машину и начал ее преследовать скрытно – Кокосов в тот момент вез в багажнике свою содержанку, красавицу-певичку из ночного клуба Асю Вяльцеву. Она бросила Кокосова, улетела с новым любовником на Мальдивы, там с ним поссорилась, а когда в одиночестве вернулась на родину, Кокосов похитил ее на автостоянке аэропорта – оглушил и запихнул в багажник.

Веригин ворвался в гараж в подмосковном Пионерском, где маньяк Кокосов держал прикованными наручниками к столбу всех своих прежних жертв. Он дробил им ноги и разбивал головы кувалдой. Изуродованные трупы находили на свалках и в подмосковных лесах. Удар кувалдой был фирменным почерком Кокосова.

Певичку Асю Вяльцеву, изменившую ему, Кокосов привез в гараж и тоже приковал наручниками к столбу, словно Андромеду к скале. Он собирался записать казнь на камеру мобильного. Ворвавшийся в гараж Веригин (он был один, без опергруппы, но храбр и решителен, как античный Персей) выпустил в Кокосова всю обойму из табельного пистолета в тот самый миг, когда тот уже размахнулся кувалдой, чтобы расплющить голову любовнице.

Уже мертвого Кокосова-Кувалду Веригин без всякой жалости ударил ногой по плешивой башке и плюнул на его труп. А затем перезарядил табельный и лихо отстрелил наручники – у него ведь не имелось ключа от них. Подхватил на руки, словно Персей, прикончивший чудовище, свою Андромеду, потерявшую от страха сознание, и...

Короче – как в сказке. Как в мифе. Персей спас Андромеду. А она в благодарность скоренько выскочила за него замуж.

О такой красавице, как содержанка Ася Вяльцева, чьей любви добивались богатейшие столичные воротилы и мафиози, невзрачный полицейский и мечтать не мог. Но Андромеда выказала ему благодарность. Или сжалилась над ним? Потому что сам-то Персей из полиции втюрился в Андромеду с первого взгляда.

Министерское начальство тоже весьма шустро поощрило полицейского – ему присвоили внеочередное звание подполковника и... послали на повышение в «солнечный» Магадан – замначальника местного УВД. Задумка была такой, что он поработает, покажет себя как дельный грамотный организатор и руководитель, затем вернется с послужным опытом в Москву, в Академию МВД, и перед ним откроются пути на грядущее большое повышение, на генеральскую должность.

Все эти сведения Катя знала от своего шефа – начальника пресс-службы. Тот брал у Веригина интервью после гибели Кокосова и освобождения жертвы, писал о нем очерки для ведомственной газеты и интернет-изданий.

Остальное Катя почерпнула из слухов и сплетен, которых вокруг Веригина вилось немало с момента женитьбы на красавице Асе Вяльцевой.

Магадан привередливой Андромеде, мягко говоря, не понравился. Брак с подполковником полиции Веригиным продлился три года. Веригин обожал жену. Однако он пахал сутками и редко бывал дома. Ася начала выступать на магаданской эстраде – она дико скучала по своей прежней светской жизни, по развлечениям. В ночном клубе она познакомилась с «крабовым королем» – бизнесменом, державшим половину рыболовецкого флота Камчатки. Тот бросил к ее ногам крабовые трейлеры и солидные счета в банках Гонконга, куда давно все перевел из-за боязни санкций.

Ася начала требовать у Веригина развод. А затем открыто ушла к «крабовому королю». Накануне их отлета на частном бизнесджете из Магадана во Владивосток, где в порту ждала яхта, чтобы доставить пассажиров на Бали, подполковник Веригин, вооруженный охотничьим ружьем, явился в особняк «крабового короля» – завязалась драка со стрельбой. То ли разборка, то ли дуэль из-за красавицы, неверной жены.

В потасовке Веригина ранили – подроспели охранники «крабового короля» и прострелили ему из охотничьего карабина руку. После больницы Веригина быстро убрали с должности замначальника УВД – у воротилы нашлись связи. А полицейское начальство, памятуя о прежних заслугах горе-ревнивца, замяло дело – ведь он сам пострадал, но он же оказался и зачинщиком, виноватым во всем.

Андромеда развелась с Персеем и вознеслась в райские кущи острова Бали, путешествовала по Юго-Восточной Азии и тратила деньги нового покровителя. О большой карьере Веригина в полиции уже никто не заикался. Из Магадана его перевели в подмосковный городок Кашин, на его малую родину, и назначили на должность заместителя начальника УВД – он руководил даже не уголовным розыском, а курировал кадры и материально-техническое обеспечение.

Однако гибель начальника УВД Варданяна в ДТП неожиданно снова открыла для него вакансию на должность.

Гектор внимательно выслушал рассказ Кати. Она видела – по своему обыкновению, Гек наводит справки. Веригин поддел его историей, связанной со Староказарменском, к которой Гектор относился ревностно. И теперь он хотел тоже набрать про всезнайку максимум информации.

Утро после ночной грозы выдалось прохладным. Резкий контраст с прежней удушающей августовской жарой. Катя в своем черном льняном платье – без рукавов, но с глухим воротом, которое она специально выбрала на траурное мероприятие, продрогла, как только сняла дождевик. Гектор давно его скинул, еще в машине. Он снял свой черный пиджак и укутал Катию в него.

Ворот его белой рубашки был расстегнут, рукава засучены до локтей. И на сгибе локтя Катя, как и прошлой ночью, заметила бинт. Гектор днем, когда она находилась в Кашине, снова сдавал в клинике кровь из вены на анализ.

Рука Кати у плеча тоже была перебинтована – рана от осколка, полученная три недели назад во время их расследования дела Мегалании Коралли и ее воспитанников, заживала медленно¹. Вчера утром Гектор сам забинтовал ей руку.

В Кашинском УВД начался утренний развод патрулей. Катя подумала: Гектор отчего-то уверен, что подполковник Веригин на месте, на работе, а не отправился домой отсыпаться после суматошной грозовой ночи.

Они зашли в управление. Вчера возле дежурной части стоял дорогой гроб полковника Варданяна, окруженный траурными венками, заваленный букетами цветов. Вокруг толпилось много народа. Сейчас все вернулось в привычное русло. Тихий сонный провинциальный отдел полиции в старом здании с решетками на окнах.

Катя спросила у дежурного, где Веригин. Тот находился в управлении – расчет Гектора оправдался. Они прошли по коридору и постучали. Катя у двериглянула на табличку – кабинет бывшего начальника УВД Карапета Варданяна. Оказывается, Веригин его уже занял. Ну естественно – его назначили исполняющим обязанности, а с момента гибели в ДТП Варданяна прошло больше десяти дней.

Александр Веригин откликнулся – войдите! Он стоял спиной к двери у окна, наблюдал развод патрульных. Медленно обернулся. Он уже переоделся в полицейскую форму.

Гектор смерил его взглядом, вспоминая Катин рассказ – кто бы мог подумать, что невзрачный тридцатидевятилетний подполковник с ранней лысиной на макушке успел совершить в жизни столько всего – убить чудовище Кувалду, плюнуть на его труп, жениться на его любовнице, утратить ее, почти на краю света едва не откинуть коньки, отбивая ее у нового богатого соперника.

– Вспоминаете Магадан, коллега? – громко спросил Гектор. – Который там сейчас час, интересно? «В Петропавловске-Камчатском полночь», – передразнил он, лицедей, своим изменчивым голосом дикторшу радио новостей.

По растерянности, промелькнувшей на лице Веригина, Катя поняла: Гектор попал в самую точку.

Как ему так удастся подцеплять людей на только что обретенный крючок?

Веригин действительно в тот момент вспоминал Магадан и свою бывшую жену, которую (после магаданской эпопеи и развода минуло два года) не переставал желать и ревновать.

Горы мусора на полу – битый кирпич, уголь, железный лом. В воздухе – взвесь угольной пыли и дождевой мороси. Они с женой Асей в Кадыкчане. В поселке-призраке, находящемся почти в шестистах километрах от Магадана. Полиция в летнее время устраивала рейды, чтобы проверить, есть ли еще жители в поселке-призраке. Прилетали на вертолете. В очередной рейд Веригин взял с собой жену – хоть какое-то развлечение для нее, чтобы не скучала. Путешествие с ним на вертолете.

Они с Асей зашли в здание администрации шахты – разрушенный двухэтажный барак из белых блоков. Северный день заглядывал в окна. У стены – каменный бюст. Ильич с мертвыми глазами, вытесанный из гранита.

Ася, одетая в шерстяной свитер и штормовку, разглядывала каменного идола. В Кадыкчане в оные времена располагался трудовой лагерь – Трудлаг, кости эков находили в округе охотники-эвены.

Именно тогда, в заброшенном здании поселка-призрака под мертвым взглядом каменного Ильича, она объявила, что бросает его.

– Саша, нам надо развестись. Только не истери, прими спокойно, с холодной головой, как мужик, – заявила она безжалостно.

¹ Подробно о расследовании дела Мегалании Коралли и ее воспитанников рассказано в романе Т. Степановой «Великая иллюзия».

Веригин, потерявший дар речи, смотрел на нее – на ее темные блестящие волосы, рассыпавшиеся по плечам. Даже в штормовке она выглядела ослепительно – так ему казалось.

– Ты славный человек, и ты меня спас. Кокосов был животное. Тебе я обязана жизнью, и у нас мелькали счастливые моменты. Но все кончено. – Ася носком резинового сапожка ковыряла битый кирпич. – Я не могу здесь больше оставаться. Я подыхаю. Твоя служба в полиции... Какой в ней смысл, скажи мне? Твой карьерный рост займет годы, и ты будешь существовать, словно в ссылке, здесь или в другой дыре. Когда ты вернешься в Москву, получишь наконец должность, я превращусь в старуху. И что впереди? Твоя генеральская пенсия? А мне ее на филлеры и пластику не хватит, Саша. Я хочу жить сегодняшним днем. Так что отпусти меня с миром. Я нашла человека, подходящего мне больше, чем ты. Может, он не такой храбрый, как ты, не такой упертый, не повернутый на принципах, но... С тобой я жить больше не в силах. Дай мне развод.

– Нет, никогда, – ответил Александр Веригин.

Ася лишь криво усмехнулась.

– Я так и знала – у нас с тобой будут проблемы. Ты дурак.

– Ася, не уходи, не бросай меня. Не отправляй меня в ад! – почти взмолился он.

– Да еще месяц такой жизни – и я повешусь в здешней дыре! – истерически закричала она. – Ты гибели моей хочешь?!

Он подошел к ней и бухнулся на колени.

Она стояла выпрямившись. Она не любила его. Она его уже почти ненавидела как помеху.

На призрачной улице Кадыкчана слышались голоса полицейских. Пора было улетать – северный день короток, а обратный путь в Магадан неблизок.

Александр Веригин поднялся, отряхнул угольную пыль с колен. Там, в Кадыкчане, он понял, что унижаться и просить бесполезно. А великие и добрые дела, и даже героические поступки, порой имеют и обратную сторону.

Несчастливую.

Неблагодарную.

Злую.

Гектор наклонился к Кате и достал из кармана своего пиджака, что был на ней, флешку. Протянул подполковнику Веригину. Катя видела – Веригин мыслями сейчас далеко от Кашина и ночного происшествия с молнией. Он скользнул взглядом по Кате, утонувшей в пиджаке Гектора, и забрал флешку.

– Что на ней? – спросил он.

– Запись с камеры автозаправки, – ответил Гектор. – «Рено»-инвалидка тромбониста и он сам. Правда, что с ним стало после удара молнии в его зонт, на записи не видно. А вы инвалидку пробили по банку?

– «Рено» с ручным управлением зарегистрирован на него – Зарецкого Евгения. Мои сотрудники проверили. Он проживает в Люберцах. Кстати, в Кашине он прежде никогда не бывал.

– Откуда сведения? – Гектор выказывал живейший интерес к разговору, в отличие от подполковника Веригина, который явно хотел побыстрее отделаться от полковника Гектора Борщова, столь известного в их общих ведомственных кругах.

– Я позвонил ночью старшему брату Варданяна. Он мне сообщил, что джаз на поминки пригласила его сестра. Дал мобильный их руководителя, земляка. Некто Арутюнянц. Я его застал на обратном пути в Москву. Пьяненький джазмен еле языком возил, но рассказал мне: в Кашине они с джазом прежде никогда не выступали. А моего покойного шефа Варданяна он знал шапочно, тот никакой не любитель джаза. – Веригин потер ладонью лицо. – Карапету больше нравились армянские народные песни. Евгений Зарецкий его оркестрант, ему двадцать восемь лет. Он играет в джазе четыре года. Арутюнянц мне сказал, тромбонисты соло в отдель-

ности от джаза никогда не выступают. Саксофонисты, трубачи – да, но не эти. Так что в Кашине ночной чудик как джазмен не был.

– Ну, это еще не факт, он мог по своим делам здесь бывать, – возразил Гектор. – Маэстро не в курсе, как парень лишился ноги?

– Я спросил. Он не знает. К нему в джаз Зарецкий пришел уже с протезом. Играть ему это не мешает. Джаз у них частный. Сейчас с вечеринками и корпоративами полный провал, так они и на похоронах играть соглашаются.

Катя помалкивала и слушала.

– Собственно, Гектор Игоревич, какое ваше дело – наши кашинские происшествия? – спросил уже совсем иным тоном Веригин. – Я-то в горячке на темной дороге решил, что вас ветром из Москвы принесло из-за старухи Кривошеевой. И ее сына-журналиги... Но старуха и ее сиделка живы. А вы... ведь в Кашине в частном порядке? – и наблюдательный Веригин глазами указал на пиджак Гектора, в котором утонула Катя.

– Ну и что с того? Пусть я здесь оказался в частном порядке. – Гектор пожал широкими плечами. – Ночное происшествие меня зацепило.

– Неужели? Чем же?

– Некий непонятный пока еще мне феномен. Я имею в виду не удар молнии в машину и в зонт. А странную реакцию тромбониста.

– Вы верите в то, что он действительно видел, как кому-то врезали по башке топором?

– Удар нанесли в лицо, и жертва – женщина – оказалась связанной. Беспомощной.

– Посмотрим, что даст анализ крови Зарецкого, – ответил Веригин. – Может, кокса немелено.

Топот по коридору.

Дверь распахнулась – на пороге стоял дежурный.

– Александр Павлович, я звоню – вы не отвечаете.

Веригин достал мобильный.

– Черт, разрядился, я и не заметил. Что еще?

– ЧП! У нас в Кашине убийство!

– Где? – громко властно спросил Гектор Борщов.

– В Умново! У Мосиных! – Дежурный всплеснул руками: – Маргоша наша...

Веригин схватил с подоконника полицейскую фуражку и выскочил из кабинета.

Гектор и Катя за ним.

Возле УВД мигали синими сполохами две патрульные машины и «ГАЗ» дежурной части.

Веригин сел в него.

Гектор и Катя добежали до внедорожника. Помчались следом за полицией.

По главной улице Кашина, мимо, мимо...

Свернули на проселок – впереди были полицейские сирены и...

– Катя, смотрите, где мы, – произнес Гектор.

Они снова достигли того самого перекрестка, где ночью молния поразила машину Зарецкого. Катя сразу узнала место – пусть ночью было темно, но она вспомнила окрестности. Бетонку к дому гарпий, съезд к автозаправке и...

Полицейские машины свернули налево – в сторону дороги, уводившей в поля, где Катя ночью заметила огни сквозь деревья.

Картофельное поле.

Бурты, закрытые соломой.

Два пустых участка у самой дороги, огороженные сеткой-рабицей. Огороды-участки. Закрытый придорожный магазин «Продукты» с опущенными рольставнями.

Напротив – два добротных дома за высокими сплошными заборами.

И еще строения.

Катя замерла. Их было два на одном участке – старый почерневший от дождей одноэтажный деревенский дом в три окна с чердаком, которых полно в Подмосковье. И рядом с ним новый двухэтажный коттедж из силикатного кирпича. Возле него были вкопаны бетонные столбы, валялся на траве штабелем деревянный забор – новый, его лишь начали устанавливать, но бросили, так что часть участка осталась неогороженной и отлично просматривалась. Далее по периметру шли остатки невысокого сгнившего штакетника, выкрашенного синей краской.

– Терраса, Гек! – воскликнула Катя, указывая на маленькую застекленную террасу деревенского дома.

Она привязана к пластиковому стулу веревкой!!! Она на террасе дома. Не того, что строится. А старого деревянного.

Катя словно слышала, как тромбонист своим невообразимым тонким сорванным голосом кричит им об этом сквозь ночь и дождь.

Кроме двух домов – старого с террасой и нового, что явно был еще в процессе стройки и отделки, – имелось и третье здание.

Смежный с кирпичным особняком небольшой павильон, крытый красной металлочерепицей. В подобных павильонах в провинции располагаются сельские магазины.

Павильон имел одно окно, забранное решеткой изнутри, и железную дверь. Он выходил прямо на проселок, чтобы проезжавшие мимо могли остановиться, зайти и купить необходимое.

На вывеске павильона значилось: «Свежее мясо. Сало. Шпик».

– С перекрестка сюда гораздо дальше, чем до дома гарпий, – заявил Гектор, резко тормозя возле павильона, – именно там остановились обогнавшие их полицейские машины. – Но у тромбониста, судя по записи, до встречи с нами было почти полтора часа.

Катя вышла из внедорожника. Кроме машин полиции, на дороге стояли две фуры. Их водителей окружили полицейские, и они что-то громко рассказывали, жестикулировали, указывая в сторону дома.

Катю посетило предчувствие, что она сейчас увидит нечто страшное.

– Веригин и его команда отлично знают, кто здесь живет. Некая Марго. – Гектор взял оробевшую Катю за руку – он же здесь в частном порядке, так чего таиться.

Катя боялась, что их остановят и развернут. Но местные по-прежнему пока еще воспринимали ее как человека из главка, из пресс-службы.

Их пропустили.

И она впервые увидела, как на месте происшествия, где все должны быть предельно собраны и профессиональны, в мгновение ока воцаряется то, что так трудно описать обычными словами.

Полный хаос.

Глава 5

Филемон и Бавкида

– К террасе свободный проход, нового забора нет, а штакетник, что остался, преодолеть легко даже с протезом. – Катя говорила впопыхах, они быстро шли вместе с Гектором к старому деревенскому дому. – Тромбонист мог все видеть с улицы ночью!

– И фундамент у дома низкий, – согласился Гектор. – Заглянуть в окно террасы с участка проще простого. А что здесь у нас? Надо же – дуб и липа.

Он указал на два старых дерева на углу деревенского дома. Они росли вплотную друг к другу, их стволы едва не переплетались. Кроны осеняли крышу дома из замшелого шифера.

– Из одного корня², – констатировал Гектор.

Катя ринулась к окну террасы, заглянула сквозь стекло, готовясь увидеть то, о чем кричал ночью тромбонист, и...

Ничего.

На обветшалой террасе не было никакого пластикового кресла и привязанного к нему трупа с топором в черепе.

Высокий Гектор заглянул в окно террасы.

– В избушке последнее время не жили, – объявил он.

На террасе царили сумерки и всю ее загромождали старые вещи: на столе сгрудились цветочные горшки, коробки, ящики, трехлитровые пустые банки. Венские стулья свалены у стены, узлы на полу. И никаких *старых ходиков с кукушкой, никаких желтых обоев в цветочек, никаких пятен крови на деревянных стенах, никаких кровавых луж.*

Более того, входная дверь дома, за которой располагалась терраса, оказалась запертой снаружи на допотопный висячий замок. На крыльце двое полицейских уже пытались его распилить специальными инструментами для вскрытия помещений.

– На террасе чисто, Катя. – Гектор устремился в сторону двух других строений. – Не здесь все случилось.

– Мы привезли мясо из Тулы, мы с ним работаем давно, мясные поставки у нас – свинина, птица, в основном утки и гуси. Он у нас гусей покупал оптом и перепродавал потом.

Катя услышала громкие голоса – у павильона с надписью «Мясо. Сало. Шпик» двое дальнобойщиков – водитель и напарник – разговаривали с подполковником Веригиным.

Гектор указал Кате на дверь павильона – ее дергали сотрудники полиции, но она была заперта изнутри. Криминалисты и местный судмедэксперт вместе с оперативниками очень осторожно заходили в новый дом из силикатного кирпича. Именно его входная дверь – тоже крепкая и железная – была открыта.

– Мы к магазину его подъехали, и я его сразу набрал с мобильного, рано ведь еще, – продолжал один из дальнобойщиков. – Он на звонок мне не ответил. А что делать – мы же товар привезли, туши свиные. Надо сгружать. Я решил, они с женой спят – вряд ли уехали в такую рань. У нас же уговор, что мы товар привезем утром.

– И у нас был уговор, поставка! – подал голос водитель второй фуры, стоявшей возле павильона. – Мы остановились, гляжу, у магазина – грузовик мясной, мужики в дверь стучат, никто не открывает.

– А вы что им привезли? – спросил подполковник Веригин.

– Мебель мягкую с фабрики в Ступино. Два дивана на этот адрес в Кашин. – Водитель выглядел испуганным. – По заказу, по накладной. А рано приехали, потому что у нас еще две

² В античном мифе растущие из одного корня липа и дуб – символ супругов Филемона и Бавкиды.

поездки – в Щербинку и Братеево в Москву, тоже мебель. – Он указал на свою длинную фуру. – По пробкам-то пока доберешься. Поэтому в Кашин чуть ли не в пять утра я выехал.

– Вы с заказчиком мебели накануне связывались? – уточнил Веригин.

– С женщиной... она на звонок по номеру клиента мне утром не ответила, когда я уже к Кашину подъезжал и хотел заказчицу предупредить. А связывался с ней менеджер наш, логист, вчера утром, когда я документы на поездку на фирме оформлял в Ступино. Но больше я ничего не знаю. Вы меня в этот кошмар не впутывайте! Мы вот с мужиками на крыльцо дома зашли, они в дверь стали стучать, а она бац! – открылась, медленно так, со скрипом... Незапертой дверь коттеджа была! А на полу кровищи... И химией так воняло... У нас всех шок. Лужа крови. Мы сразу в полицию позвонили. Я не знаю, что в доме-то...

Гектор и Катя поднялись на крыльцо коттеджа после того, как туда зашли члены опергруппы. Подполковник Веригин все еще лично допрашивал дальнобойщиков. Он давал своим сотрудникам время, чтобы осмотреться, определиться.

Но опергруппа Кашинского УВД выглядела растеряннo – все нерешительно сгрудились в прихожей – холле, пустом, лишенном мебели, и не двигались вперед.

Очень сильно и резко пахло чем-то. До такой степени, что начали слезиться глаза.

На полу – огромные лужи крови. Так сначала показалось Кате. Но на плитках пола была не только кровь – еще какая-то жидкость, обильно вылитая из валявшихся у стены двух больших пластиковых канистр. Потечи ее виднелись и на стенах, куда попали брызги крови.

– Бензин. Дом хотели поджечь, – шепнула Катя Гектору.

– Нет, не бензин. – Он наклонился и дотронулся до жидкости на полу. – Кровь пополам с каким-то растворителем.

– На канистрах нет этикетки, – объявил ему криминалист-эксперт. Молодой еще парень сквозь очки потрясенно оглядывал холл-прихожую, словно боялся наступить в кровавую лужу, обильно растекшуюся по полу.

– Не бензин, а санитайзер, – ответил Гектор. – Коллеги, у вас есть бахилы?

– Нет, – криминалист и судмедэксперт покачали головой. Судмедэксперт был даже без профессионального защитного костюма. В бедном Кашине таких вещей у экспертов не водилось.

– Тогда испортим обувь. – И Гектор первый шагнул в кровавую лужу.

Катя за ним. Она содрогнулась, когда ощутила, как багровая субстанция замочила ее ступни в открытых босоножках.

– Вы все знаете, кто здесь живет. – Гектор обернулся. – Кто?

– Мосины, – ему ответил подполковник Веригин. Он появился на пороге коттеджа, секунду медлил, а затем тоже шагнул в кровавую лужу. – Она наша сотрудница. В штате УВД.

– Полицейский? – Гектор двинулся направо в сторону открытой – еще одной железной – двери. Туда же пошли и члены опергруппы.

– Вольнонаемная. Работала много лет в управлении в отделе статистики-учета и регистрации преступлений, последние годы она его возглавляла.

– Маргарита Симеоновна наша, – откликнулся эксперт-криминалист. – И муж ее Иван Андреевич.

– Тоже ваш коллега?

– Он из МЧС. – Веригин опередил Гектора, обошел его и сам первый перешагнул порог смежного с холлом-прихожей помещения. – Служил в городской пожарной части, но сейчас он на пенсии. Занялся торговлей мясом.

– Мясник здешний и его жена – учетчица в УВД? – уточнил Гектор.

– Маргарита Симеоновна и Иван Андреевич. Вот черт! – Веригин, отвечавший Гектору, едва не упал – не поскользнулся в кровавой луже, а споткнулся обо что-то.

Катя, еще не разглядев толком, решила – о бездыханное тело.

Но это была бензопила. Она валялась на полу смежной комнаты, которая оказалась маленьким торговым залом магазина-павильона. Здесь, как и в холле, стоял удушливый химический запах. Пол тоже сплошь залит, потеки санитайзера имелись и на небольшой витрине-холодильнике, где лежали на эмалированных поддонах шпик и разные субпродукты – печень, почки. Колода для рубки мяса – ее опрокинули у стола с электронными весами.

Кроме санитайзера на плитках пола – длинные широкие кровавые полосы. Катя такие уже видала на других местах убийств – их ни с чем не спутаешь. Следы волочения. Они вели еще к одной железной двери, располагавшейся за разделочным столом. И дверь была закрыта. В стене рядом находился пластиковый щиток, какие устанавливают в домах с климат-контролем. Но Катя поняла: в сельском мясном магазине соорудили нечто другое, более полезное для торговли. На панели мигал красный огонек.

– Что за дверью? – громко спросил Гектор в гробовой тишине, воцарившейся на месте происшествия.

Катя была поражена до глубины души – кашинские полицейские выглядели напуганными, как и дальнобойщики. Никто не рвался вперед, кроме подполковника Александра Веригина.

– Вы здесь сами часто покупали мясо, – заявил Гектор. – Так ведь? Вы бывали здесь раньше. Что за дверью?

– Холодильная камера, – ответил судмедэксперт. – Я к Мосиным, к Марго заезжал всегда перед праздниками, брал у них вырезку и на холодец ноги свиные. У них там холодильник для мяса.

К двери за Веригиным подошел и эксперт-криминалист. Он надел резиновые перчатки.

– Агрегат установлен на быструю заморозку. – Гектор указал ему на панель, на значки рядом с красным сигналом.

У Кати от запаха химиката начала кружиться голова. Оперативники осматривали бензопилу на полу.

– Находка у нас! – крикнул один из полицейских из холла. И возник на пороге магазина с каким-то металлическим предметом.

Вид его при этом был устрашающим – кисти рук в перчатках окровавлены, на форме – брызги крови.

– Монтировка, – объявил он. – Валялась в трех метрах от входной двери. Я ее из кровавой лужи достал.

Да, это была монтировка. И с нее капали на пол капли – кровь, растворенная в санитайзере.

Эксперт-криминалист обработал панель холодильной камеры порошком, попытался снять отпечатки.

– Есть что-то? – спросил Веригин.

– Пока не могу ничего сказать, смазано все, – криминалист сделал снимки. – Можно открывать холодильник.

Веригин отключил заморозку, потянул ручку железной двери на себя и...

На них дохнуло лютым холодом, как из Арктики.

То, что они увидели, Катя долго потом не могла забыть.

Холодильная камера мясного магазина представляла собой узкое помещение без окон. Под потолком шла металлическая балка с крюками. На ней висели три замороженные свиные туши и несколько гусей. Крюки вонзили в их длинные шеи.

Это первое, что бросилось Кате в глаза.

Затем она увидела топор.

Он лежал на первой, самой верхней ступеньке лестницы.

Лестница насчитывала всего три широких ступени.

На верхней у двери – топор.

На нижней у пола – отрубленная человеческая рука.

Мужская кисть.

Внизу на полу – два окровавленных трупа, застывшие в странных нелепых позах.

Полная женщина лет за пятьдесят в цветастом халате, пропитанном кровью. Лицо ее было разбито, расплющено – сломанный нос, глубокая вдавленная рана на лбу с проломленной костью, распяленный в крике рот с выбитыми зубами. Ее крашенные черные как смоль волосы напоминали паклю. Ноги в домашних тапочках.

Она лежала на спине, халат ее задрался до середины бедер.

Рядом с ней на полу холодильной камеры на боку лежал мужчина, бритый наголо, невысокий, худощавый, тоже лет за пятьдесят. Вся его одежда – футболка и спортивные штаны – потеряла прежний цвет от крови.

Его правая кисть была отрублена.

А на животе зияла ужасная рана – виднелись кости ребер и часть внутренностей.

Глаза мужчины оставались широко открытыми. Остекленевший взгляд. Снежная изморозь на лице, на бритом черепе, на обрубке руки.

Снежная изморозь на халате женщины. Иней на ее черных как смоль волосах.

Подполковник Веригин, стараясь не наступить на топор и отрубленную конечность, первый спустился в холодильник. Гектор просто прыгнул с верхней ступеньки.

– Что вы стоите? За работу! – хрипло приказал Веригин своим подчиненным.

Катя осталась на пороге камеры. Температура в отключенном холодильнике медленно росла. Однако до разморозки могли пройти часы.

Гектор наклонился над женщиной.

– Она примерзла к полу. И ее муж, – заметил он. – Их тела заморозили здесь после убийства. Но убили их не в холодильнике.

– А где? – спросил Веригин.

– В холле у двери, где лужи крови, и в самом магазине. Только пока неизвестно, кого из них где точно.

– Вы с первого взгляда все определяете, да? – спросил подполковник Веригин.

– Мы здесь уже достаточно времени, чтобы разобраться.

– Пока трупы хоть немного не оттают, с ними невозможно работать, – сообщил судмедэксперт.

– Осматривайте пока как есть, – распорядился подполковник Веригин. По его виду Катя поняла: он потрясен зрелищем.

– Жертвы – местные жители, ваши земляки. Она ваша коллега из полиции. Их обоих так жестоко убили. – Гектор обвел кашинских сотрудников взглядом. – Надо по максимуму все сделать на месте убийства. Не время для растерянности.

Подполковник Веригин кивнул.

Опергруппа словно от морока очнулась, зашевелилась.

– Прямо пуховики надо привезти, чтобы в холодильнике работать, – слышались голоса.

– Необходимо связаться с их близкими, – сказала Катя. – Сообщить детям или родственникам.

– Они жили вдвоем, детей не имели. – Веригин снизу из холодильника глянул на нее, стоявшую на пороге камеры в пиджаке Гектора, замерзшую, как сосулька, с запачканными кровью жертв, растворенной санитайзером, ногами в открытых босоножках.

– В июле они отмечали серебряную свадьбу, четверть века вместе, – подал голос эксперт-криминалист, занявшийся осмотром топора. – Мы всем управлением на подарок им скинулись для нового дома. На телевизор. Маргарита Симеоновна нас благодарила. Сказала, с

мужем живут счастливо, еще пошутила, что желала бы ни на минуту не пережить его. Так он ей дорог. Вот они и умерли вместе в один день.

– Как Филемон и Бавкида, – заметил Гектор. – Надо же – липа и дуб из одного корня.

На его античный посыл никто не отреагировал. Сотрудники Кашинского УВД были далеки от высоколобых античных метафор столичных «крутых» профи с широкими, однако пока еще неясными полномочиями и столь же широкой эрудицией.

Глава 6

Колесница

Накануне ночью

После событий в подмосковных Жаворонках, когда Гектор во время взрыва в доме убийцы спас Катю, заслонив ее собой, и получил осколочное ранение, а она закрыла его голову руками и тоже поранилась, минуло три недели. Кисти Катиных рук, распухшие, иссеченные ссадинами, зажили. Глубокая рана ниже плеча рубцевалась. Гектор на свою осколочную рану уже практически не обращал внимания, однако продолжал принимать таблетки и туго бинтовать бедра после своей главной многочасовой операции.

Во время Катиного больничного и недельного отпуска, взятого ею, они виделись каждый день. Утром Гектор заезжал за ней на Фрунзенскую набережную и забирал ее к себе в Серебряный Бор. Они гуляли по парку, коротали время на веранде местного ресторана у Москвы-реки, Гектор все порывался арендовать катер в серебряноборском яхт-клубе, но Катя ему не позволяла – после операции и нового ранения прошло еще слишком мало времени, чтобы управлять катером или моторкой. Зато они вместе «творили» – Катя из-за распухших пальцев все еще не могла печатать на ноутбуке, и Гектор рьяно брался ей помогать – вы диктуете, Катенька, я записываю. И мы с вами как братья Гримм – сестры Бронте!

На заросшей травой лужайке перед домом Гектора в Серебряном Бору в тени старых лип они устраивались на садовой скамейке за дачным столом, и Катя диктовала текст статьи для интернет-канала. Пальцы Гектора так и летали над клавиатурой. Через каждые два Катиных предложения он восклицал: «Гениально! Эпохально!» И возвещал голосом булгаковского Фагота: «Я восхищен!» И так умильно-преданно глазел на Катю, что она не выдерживала – спихивала его со скамейки и сама садилась за ноутбук – кое-как исправляла собственные надиктованные стилистические ошибки.

Гектор валился в траву с воплем: «Лишают соавторства! Затыкают рот!» Делал на руках стойку, затем мощное сальто и уже снова, стоя на ногах, склонялся к Кате, шепча на ухо уже совсем иным тоном: «Я восхищен!»

Они обедали все вместе на большой домашней кухне-столовой с открытыми окнами. Старуха-сиделка привозила в инвалидном кресле генерал-полковника Борщова, отца Гектора – парализованного и безумного, старуха-горничная торжественно водружала на обеденный стол супницу с ухой и блюдо с рыбным пирогом. А на десерт яблочную шарлотку. Гектор сам жарил на мангале мясо и поливал его белым вином.

Все эти августовские жаркие дни они были абсолютно счастливы. Вечерами им все труднее было расставаться. Но Катя сама держала ситуацию на контроле – они разлучались, чтобы утром встретиться вновь и провести вместе день. Гектор вечером отвозил Катю домой, он вел себя по-рыцарски безупречно. А она не торопила события. Прежде всего он должен был восстановиться после тяжелейшей операции и нового ранения, случившегося так некстати. Она хотела, чтобы он выздоровел.

Их чувства крепили. Они созревали под августовским солнцем, словно летний драгоценный плод. Их духовная связь стала уже нерасторжимой. Катя сама себя не узнавала. Столько в ней появилось нового, неизведанного. Столько нежности к нему...

Однако августовская идиллия была слишком уж хороша, чересчур идеальна, чтобы длиться вечно.

Вроде бы сущие пустяки вплелись в идиллию, и она закончилась. Катя вышла с больничного на работу, в пресс-службе областного главка накопилось столько дел, что в первый день

она трудилась до семи вечера. Гектор написал ей: «Я за вами сейчас заеду?» Но Катя ответила: «Я вечером иду в салон красоты в Романовом переулке». Ей не терпелось привести в порядок ногти на заживших руках, тонировать свои отросшие волосы, сделать процедуры для лица – августовский зной иссушал кожу. Она жаждала наконец-то почистить перышки – благо было перед кем показать себя с самой лучшей стороны. Чисто женские дела. Она ответила, что у нее запись в салон и зависнет она там допоздна.

Гектор ответил: «Ясно. А завтра какие планы?» Катя снова честно написала: «Завтра вообще ничего не получится, Гек. Завтра в главке выездное совещание в Наро-Фоминске, и мы туда отправляемся всей пресс-службой, я буду занята до вечера, а затем коллеги довезут меня домой».

Гектор написал: «А послезавтра?» И Катя снова поведала ему чистую правду: «Послезавтра в далеком Кашине похороны и поминки начальника УВД, погибшего в ДТП, и весь пресс-центр в полном составе отправится туда в служебном фургоне вместе с главковской телегруппой – за мной коллеги заедут утром прямо домой. И все тоже, очевидно, затянется очень надолго».

Гектор лаконично подытожил: «Понял».

И их переписка умолкла на сутки.

Из Наро-Фоминска Катя вернулась в десятом часу вечера. Во время нескончаемого совещания она отключила мобильный, как того требовала ведомственная инструкция. Но, включив телефон, не обнаружила сообщения от Гектора. Дома она приняла душ, поужинала холодным рисом с овощами и курицей и начала искать в шкафу черное льняное платье без рукавов с глухим воротом. Его она сочла уместным для похорон кашинского начальника полиции. Платье следовало отпарить. Катя возилась с отпаривателем. Время близилось к полуночи. И тут пришло сообщение от Гектора.

И продевши ремни, к колеснице его привязал, а главу волочить оставил...

*Тело, влачимое в прахе: безжалостно бурые кони полем его волокли...*³ Катя прочла послание и...

В тот самый миг ее посетила мысль: что-то случилось. Ему плохо.

Потому что он прислал ей строки из самой страшной для нее песни «Илиады» – их тайной общей книги судьбы. Строки сцены гибели.

Колесница, к которой Гектора привязали под стенами Трои.

Колесница, которую Катя еще в детстве хотела сжечь, разрушить. Жаждала переписать всю главу, чтобы Гектор, самый любимый ее герой «Илиады», остался жив в последнем бою.

Она набрала: «Гек, что с вами?»

Он прислал ей новое сообщение:

Долгая ночь... И заходят Плеяды. Я у порога брожу, вымокиши весь под дождем.

*Раненный жгучею страстью...*⁴

За окном – никакого дождя (гроза разразилась лишь на следующий вечер). Душная августовская ночь, нагретый асфальт и пышущие жаром крыши домов. Автора строк Катя не знала – какой-то древний грек, поэт...

И тут раздался длинный настойчивый звонок в дверь ее квартиры.

Катя открыла и увидела Гектора. Он был совершенно пьян.

Правда, на ногах он держался крепко. Однако вид имел тот еще. Белая рубашка распахнута на груди. Скомканный галстук торчит из кармана брюк. Пиджак под мышкой. Рукава рубашки он засучил. И Катя увидела на сгибе его локтя бинт – у него брали кровь из вены.

³ Гомер. «Илиада». Пер Н. Гнедича.

⁴ Древнегреческий поэт Асклепиад Самосский. Пер. Л. Блуменад.

– Гек! – Катя шагнула назад, впуская его. Он надвинулся, захлопнул дверь ногой, и прилонился к ней спиной. В серых глазах – отчаянное болезненное выражение. Почти что тьма.

– Гек, что случилось?

– Надрался я. – Он выпрямился, словно гордясь собой. – Водки выпил.

– Вижу. Но что произошло?

– Сорок восемь часов не виделись. И получаю ответ – и еще двадцать четыре подождешь, – он помотал головой. – У ней и бровь не шевельнулась, не сжала даже губ она... А я... хоть сдохни... Ну и надрался вдрабадан.

– И такой за рулем. – Катя смотрела на него. Она чувствовала, дело не только в их короткой разлуке. Не ребенок же он капризный. Дело в чем-то ином, более серьезном.

– Какой? Гадкий я, да? Наглый эгоист. Катеньш, да я когда врадабан... я аккура-а-атно тачку вожу, ювели-и-ирно! – Гектор церемонно поклонился ей, и его сразу резко повело в сторону. Но он устоял. – Дистанцию соблюдаем, да, Катеньш? Отстраняемся, чтоб сильнее помучился, чтоб извелся весь. Места чтобы себе не находил, дурак.

– Гек, какую дистанцию? Я же объяснила, работы много навалилось и завтра похороны коллеги в Кашине.

– Да понял я все. Вот пришел – увидел. Теперь гоните в шею поганой метлой. Надоел, да? Достал?

– Идите в комнату. Вам надо протрезветь. Я вам чаю крепкого сейчас заварю.

– Не пойду, – он снова упрямо мотнул головой. Его сильное тренированное тело расслабилось, и он, словно медуза, сполз спиной по двери, оказался на полу – сел, согнув колени. Глядел снизу вверх на Катю.

– Здесь, у порога, как пес... стану сон и покой охранять. Здесь мое место.

– Гек!

– Что? Ну что Гек? Сорок восемь часов и еще двадцать четыре. Пауза несколько затянулась. Не выдержал я. Сам явился незванный. А вы идите. Спите, отдыхайте. Я здесь – вы там. И ни о чем не тревожьтесь. Я ж не как другие. Я Гектор Троянский. Завоеватель... блин... Я ж безобидный.

Тьма, тьма в его серых глазах... Отчаяние.

Ну что, спорить было с ним таким – «вдрабадан» в его мятежном, горьком настроении? Или силой с пола поднимать? Здорового, накачанного бугая?

Катя забрала у него пиджак, испачканный пылью. Повернулась спиной к Гектору Троянскому. На кухне счистила пыль с пиджака и обнаружила в правом кармане бутылку – неужели водку с собой притащил? Но то оказалась бутылочка мятного сиропа. А в другом кармане – крафтовый пакет: плюшки с корицей. Шлемоблещущий Гектор не только сам заявился среди ночи, но и гостинцы принес.

В спальне Катя разделась и села на кровать. Она не находила себе места. Что-то с ним дурное случилось – подсказало ей сердце. Но с пьяным невозможно серьезные вещи обсуждать. Пусть протрезвеет. Она легла, чутко прислушивалась – в прихожей горел свет, но оттуда не доносилось ни звука. И усталая встревоженная Катя не заметила, как уснула.

Пробудилась она от зуммера будильника в мобильном. Половина девятого. Через час за ней заедет шеф пресс-центра вместе с коллегами и они отправятся в чертов Кашин. В спальню сквозь бамбуковые жалюзи заглядывало солнце. В кухне гудела кофемашина, там воцарился Гектор. И Катя туда сразу не пошла – накинула льняное кимоно и проскользнула в ванную. Ее банное полотенце было влажным, Гектор им воспользовался, и ее травяным гелем для душа. Катя вымылась, привела себя в порядок – дальняя дорога, жаркий день, поэтому минимум косметики. Никаких духов, лишь легкий мист – дымка для волос и тела. Причесала волосы и высоко заколола их японской шпилькой. Вернулась в спальню и облачилась в черное платье. И только после этого прошла в кухню.

Босой Гектор – у стойки с кофемашиной. Рубашка расстегнута и не заправлена в брюки. Торс голый. Волосы мокрые. Узрев Катю, он сразу протянул ей чашку, сняв с поддона кофемашины.

– Мятный капучино. По нашей традиции... Привет.

Катя опять увидела на сгибе его локтя все ту же повязку – влажную и замурзанную. Молча приняла чашку капучино. Отпила кофе. Мятный сироп пригодился. Она наклонилась и достала из аптечки в нижнем ящике кухонной стойки чистый бинт, взяла маникюрные ножницы и шагнула к Гектору. Как только она к нему прикоснулась, намереваясь разрезать повязку, он мгновенно замер, затих.

Вдыхал аромат ее волос, пока она возилась с повязкой.

Катя выскользнула из его рук, хотела выкинуть в мусорное ведро повязку. В ведре – грязные бинты, Гектор снял их в ванной. Там же лежал хирургический пластырь, которым он все еще пользовался после операции по пластике своих увечий. На пластыре желтели следы гноя.

Сердце Кати сжалось. Но она и вида не подала.

Гектор забрал у нее бинт.

– Я обойдусь. А вам сейчас руку забинтую – на целый день далеко едете, не стоит оставлять заживающую рану открытой.

Он начал умело бинтовать след от осколка, все еще уродливо багровевший на коже. Не удержался – наклонился и поцеловал шрам. Катя сунула ему руку под рубашку и нащупала другой хирургический пластырь – на ребрах, на месте удаления осколка. Он был влажный, но его не требовалось менять часто.

Гектор поцеловал ее плечо. Она чувствовала, как он взвинчен, взволнован.

– Первая наша ночь вместе под одной крышей, – его изменчивый голос охрип.

Катя дотянулась свободной рукой до кофемашины, поставила чистую чашку на поддон и нажала кнопку.

– Вам – двойной эспresso. По нашей традиции.

– Спасибо. Сегодня вечером я приеду за вами в Кашин, а? – бинтуя ее руку, он заглядывал ей в глаза.

– Конечно! – воскликнула Катя (сама от себя не ожидала такого пылкого тона). – Только Кашин далеко.

– Ничего. Подожду вас, – его лицо разом просветлело. – Похороны коллеги – дело хорошее... то есть нужное... то есть я хотел сказать – важное. – Почти прежний Гектор Шлемоблещущий...

– Гек, что произошло? Скажите мне, пожалуйста!

Он был готов рассказать ей все, поделиться. Однако в этот миг Кате позвонил начальник пресс-службы – коллеги за ней приехали (ей хотелось удавить их за пунктуальность!)

– Вам пора, – произнес Гектор.

Катя прошла в прихожую, надела босоножки, забрала сумку и шопер, вернулась на кухню. Выложила на стойку ключи от квартиры.

– Пейте кофе. В холодильнике рис с овощами, как в вашем монастыре единоборств в Тибете. И куриная грудка. Завтракайте. Я плюшки с корицей заберу с собой. Пока едем в Кашин, съем все до одной. До вечера.

На набережной она обернулась, прежде чем сесть в служебный фургон. Гектор вышел на балкон. Осознание, что он провожает ее, что он остался в ее доме и они увидятся вечером, наполнило Катю беспредельной радостью, хотя жгучая тревога ее не покинула. Она решила отложить их важный разговор. Однако ночное происшествие в Кашине с тромбонистом и последующие ужасные события нарушили все ее планы.

Глава 7

Сослуживцы

Оба дома – старый и новый сотрудники кашинской полиции осмотрели тщательно и досконально – после первоначального шока на месте убийства опергруппа наконец-то задвигалась, зашевелилась. В старом деревенском доме, как и предположил Гектор ранее, Мосины не жили, превратив его в склад вещей – видимо, решали, что отправится на свалку, а что еще послужит. В старом доме, как убедилась Катя, не оказалось ни желтых обоев в цветочек, ни ходиков с кукушкой – ни в двух комнатах, ни на кухне и террасе. Не обнаружилось и пластикового садового стула с веревками.

Новый коттедж лишь обставлялся мебелью. Мосины обустроили для жилья только кухню, ванную с газовой колонкой да спальню на втором этаже. Смежная со спальней комната пустовала. В спальне кашинские полицейские обнаружили смятую разобранную кровать, однако, судя по домашней одежде потерпевших, Маргарита Мосина и ее муж или еще не легли спать, или внезапно пробудились, когда к ним явился убийца. В спальне и наверху, а также на лестнице не оказалось следов крови. Не было их и на кухне. И луж санитайзера тоже. И порядок вещей в помещениях никто не нарушал. Никто не рылся в кухонных ящиках и на полках шкафа в спальне, так что следы грабежа в этих помещениях на первый взгляд отсутствовали. Однако не факт, что из дома не пропало нечто ценное. Пока этого никто точно сказать не мог.

Полицейские тщательно обследовали участок. У Мосиных не водилось грядок, вся территория заросла травой, кучей лежали кирпич, доски, трубы, стояло корыто с застывшим цементом – везде доминировали следы строительного беспорядка.

Гектор сам осмотрел входную дверь коттеджа и крыльцо. И Катя осмотрела двери дома и магазина. Ступени крыльца потемнели от влаги. Дождевой ли – бог весть. Гектор спросил у полицейских, кому принадлежат два соседних необитаемых кирпичных дома. Кашинские полицейские ответили: бывшему замглавы администрации Кашина и его брату. Обоих арестовали и посадили за злоупотребления, делом занимался лично полковник Варданян, но случилось это два года назад. Заколоченный продуктовый магазин тоже принадлежал брату замглавы администрации – его никто не купил в Кашине. Семьи осужденных уехали из города, коттеджи выставили на продажу.

Несмотря на августовскую жару, температура в морозильной камере магазина росла очень медленно.

– Они здесь надолго, – шепнул Гектор Кате. – Что нам с ними баклуши бить? Давайте, пока Веригин и его команда заняты осмотром, навестим УВД. Порасспросим сослуживцев Мосиной – о ней самой и ее муже-мяснике.

– Бывшем пожарном, – заметила Катя.

– Заодно и отмоемся, в порядок обувь приведем. – Гектор указал на свои летние щегольские мокасины, испачканные бурым.

Катя глянула на свои ноги – ужас кромешный. На ступнях и босоножках засохла багровая корка.

– Ножки надо помыть, пальчики маленькие, – изрек Гектор непередаваемым тоном. Он явно пытался отвлечь Катю от жуткой картины убийства.

В Кашинском УВД никто не работал, когда Гектор и Катя перекочевали туда из Умнова. Сотрудники полиции собрались в коридоре первого этажа, толпились возле дежурной части, тихо разговаривали. И все же, несмотря на странный всеобщий профессиональный паралич, жизнь в УВД продолжалась – пахло гречневой кашей. Арестантам в ИВС привезли обед. Те не скорбели.

Катя сразу направилась в служебный туалет, скинула босоножки, задрала сначала одну ногу в раковину, вымыла ее с мылом под краном, потом другую, оттерла под струей воды босоножки и поднесла их к сушке для рук. Поток горячего воздуха исправил ситуацию. Но Кате было противно снова надевать босоножки, просовывать ногу в тонкие ремешки – все вспоминалось, как она шагнула в кровавую лужу в страшном доме.

Гектор у дежурной части оттирал свои мокасины влажной салфеткой – воду в бутылке ему передал дежурный. Они тихо обсуждали что-то. Катя обратила внимание – напротив служебного туалета на первом этаже кабинет и табличка «Отдел учета и регистрации». Катя дернула дверь – заперто.

– Здесь, здесь она... наша Маргарита Симеоновна сидела, – произнес за спиной Кати женский голос.

На пороге соседнего кабинета стояли две молодые девушки в штатском. За их спиной старые компьютеры на рабочих столах. И табличка точно такая же – «Отдел учета и регистрации».

– Вы с Мосиной работали? – спросила Катя девиц.

– Она наша начальница. А вы из главка, из пресс-службы? Криминальная журналистка? – Девуницы разглядывали Катю. – Говорят, вы какого-то ненормального ночью на дороге подобрали, в которого молния ударила.

– Мы, мы, спасли, пригнали страдальца, – в тон девушкам ответил подошедший к Кате Гектор. – Девушки, а строгая начальница была у вас?

Несмотря на испуганное и скорбное выражение лиц, учетчицы преступлений моментально устали на этого симпатичного высокого атлетически сложенного мужчину – шатена с серыми глазами, похожего на актера Джерарда Батлера. И уже не отрывали от него взоров.

– Маргариту Симеоновну все уважали, – заявила одна учетчица.

– Мы отчеты ежеквартальные составляли по регистрации, а она все сводила и перепроверяла по сто раз, – подхватила вторая подчиненная Мосиной. – Она была очень аккуратной, работала в управлении много лет. В общественной жизни активно участвовала. Взносы с сотрудников собирала.

В коридор из соседнего кабинета с табличкой «Отдел кадров» вышел его хозяин – полный мужчина в годах, в полицейской форме с погонами майора.

– Какие взносы? – поинтересовалась Катя.

– Мы всем управлением собирали сотрудникам – на дни рождения, юбилеи, свадьбы, рождение детей, новоселье, на лечение. – Учетчица отвечала Кате, а поглядывала на Гектора.

– У нас дружный, сплоченный коллектив, мы помогаем друг другу, – объявил начальник отдела кадров УВД и строго обратился к учетчицам: – Вы идите работайте. У вас что, дел никаких нет? Никто рабочий день не отменял.

Однако девушки за свои компьютеры не торопились.

– Ваши коллеги сказали, что самой Мосиной на новоселье собирали деньги, – вспомнил Гектор. – На телевизор.

– У нас так принято в УВД. А вы кто, собственно? Это из пресс-службы главка коллега, – начальник отдела кадров обернулся к Кате. – Вы на похороны нашего Карапета Арамыча вместе с начальством вчера приезжали, я вас видел. А вас нет. Вы тоже из главка?

– Из вышестоящего, – надменно бросил ему Гектор. – Полковник Борщов Гектор Игоревич.

– Маргарита Мосина присутствовала на поминках? – спросила Катя, сразу гася начинающийся конфликт в стиле «а ты кто такой?».

– Нет. Она приболела. – Начальник отдела кадров снял очки и потер переносицу.

– Болела чем? – не отступала Катя.

– То есть не она. У нее муж температурил. На ковид тест он не делал, но знаете, как сейчас... Марго позвонила мне, мол, я тоже что-то неважнецки себя чувствую, антивирусные глотаю. Я сказал, сиди дома. А за три дня до этого она подала мне заявление.

– Какое заявление?

– На пенсию она собралась. Ей лет ведь уж немало, да и Варданян погиб в ДТП...

Начальник отдела кадров осекся. И не стал продолжать.

Он направился в свой кабинет.

– Фотографию надо из личного дела забрать, отдать криминалистам, чтоб увеличили для траурного снимка. Как мы Варданяну фото делали в обрамлении.

Катя и Гектор вернулись к дежурной части. Гектор готовился расспрашивать местных дальше. Он еще не закончил проявлять любознательность.

– Муж вашей коллеги, мясник, – он ведь прежде служил в МЧС, в здешней пожарной части. Какую он должность в МЧС занимал? – спросил как бы между прочим дежурного.

Тот смотрел в сторону кабинета отдела кадров, дверь которого осталась открытой, – чтобы слышать все, о чем толкуют в коридоре. Ну конечно же!

– Он на пенсии четыре года, но он моложе Маргоши. Отслужил до звонка и бросил там все. А уходил с должности начальника смены. Особых-то высот не достиг. – Дежурный вернулся за пульт. – Это ж надо, какое зверство с ними сотворили! Что-то невиданное просто!

– Она вольнонаемная, он рядовой пожарный, пенсионер, – нейтрально заметил Гектор. – А бизнес открыли мясной у проезжей дороги и дом добротный построили со всеми удобствами. Оборудование для магазина дорогое – целая холодильная камера. Японское качество. Средства где они брали на все?

– Ну, так бизнес у Маргошиного мужа раскрутился, повезло ему, видно. – Дежурный пожал плечами. – Мясо у него в городе покупали многие. Гусей к праздникам он в рестораны столичные поставлял. Ему заказывали из Москвы.

– Перекупщик мяса? Торговец гусятиной и свининой? – уточнил Гектор.

– Типа того. Потом, они квартиру продали свою, что у старой ремонтной станции. – Дежурный назидательно поднял палец. – Пусть дрянь квартирка-то – в хрущобе на первом этаже, но все деньги.

– Продали квартиру в Кашине и купили старый деревенский дом в Умново?

– Умново – окраина наша. А дом старый мужу Маргоши еще от бабки достался по завещанию. Он рядом с хибарой в Умново сразу ларек построил, а потом мясной лабаз. И они с Марго принялись за строительство дома нового. Все постепенно, не сразу. У них три года на обустройство ушло, а бизнес крутился, доходы давал.

– Дом солидный возвели супруги, что же забором его сразу не огородили? Не позаботились? Свободный доступ на участок, – разглагольствовал Гектор. – Я *пря*м изумился такому подходу к безопасности жилища. Она ж пусть и вольнонаемная, но в полиции сколько лет. А у них на участок заходи кто хочешь. И забор новый на траве валяется, гниет.

– Ничего и не гниет. Они забор купили, таджиков наняли, чтобы поставить. А те их обули⁵. – Дежурный вдруг словно что-то вспомнил. – Надо теперь проверять шушеру мигрантскую. Маргоша на прошлой неделе жаловалась нам здесь в управлении – кинули их таджики. Сначала одну сумму запросили, а потом еще подавай им денег. Кто ж им больше заплатит? Дураков нет. Маргоша копейки считать умела. Скандалили они с рабочими. Таджики стройку бросили и вроде как убрались из Кашина. Но, может, вернулись да напали на дом? Веригин их из-под земли, конечно, достанет. Они теперь первые на подозрении.

В УВД зашел один из экспертов-криминалистов, которого Катя видела на месте убийства.

– Вы закончили осмотр? – удивилась Катя.

⁵ Обули – на полицейском жаргоне обманули.

– Какое закончили. Я за дополнительным оборудованием приехал и расходниками – и сразу назад. Трупы еще до сих пор не оттаяли, представляете, какая заморозка мощная? – ответил полицейский.

– Вы тела отправите в местный морг? – уточнила Катя.

– Уже увезли их, как есть, замороженных. Еле сумели от пола холодильника обоих отодрать. Только не наш спец будет вскрытием заниматься. Веригин распорядился, чтобы тела отвезли в областное бюро судмедэкспертиз. Ими в бюро светило займется лично, потому как случай экстраординарный и мало что понятно пока.

– К патологоанатому Сивакову трупы увезли? – спросила Катя.

– Да. Он ведь самые сложные случаи берет. Машина уже уехала в бюро в Москву. Веригин приказал туда и все предметы отправить – топор, бензопилу и монтировку.

– Спихиваете свою работу на других? – усмехнулся Гектор.

– Никто ничего не спихивает. Просто у нас небывалый случай. Мне надо, например, составить схему расположения луж и следов крови, точный подробный план.

Начальник отдела кадров принес фотографию Маргариты Мосиной из личного дела.

– Увеличь потом, как Варданяна, для траурного снимка. – Он отдал фото криминалисту. – В электронном виде у меня, к сожалению, снимка ее нет.

Катя и Гектор переглянулись.

Гектор слышал предыдущую фразу начальника отдела кадров про Варданяна, которую тот сразу же оборвал. Фразу можно было истолковать двояко. Мол, у Маргариты Мосиной – Бавкиды, верной своему Филемону, – имелись некие отношения и с начальником УВД.

Но Катя, едва взглянув на фотографию, сразу решила: ну нет, вряд ли. С фото на них смотрела женщина далеко за пятьдесят, брюнетка с крашеными волосами. Совсем непривлекательная с виду. Она чем-то напоминала сестру Варданяна, которую Катя видела на поминках в шатре, – такие же зеленые глаза навывкате, нос некрасивой формы и тяжелая нижняя челюсть. Только Маргарита Мосина выглядела намного старше.

– А на траурный венок от управления Маргоше скидываться станем? – спросил дежурный у начальника отдела кадров.

– Вряд ли, – тот покачал головой. – Веригин, когда Варданян погиб, сразу дал указание, чтобы деньги на венок выделили из тех, что на балансе управления. А вот что с похоронами Мосиных будет, уж и не знаю. Варданяна армянская родня хоронила, все оплачивала. А у Марго – это я точно знаю из ее личного дела – никаких близких родственников в Кашине нет. Кому их магазин и дом новый теперь достанется, интересно?

Глава 8

Марсий. Содранная кожа

– Учет и регистрация преступлений. Раскрываемость, – хмыкнул многозначительно Гектор, когда они с Катей покинули Кашинский УВД и решали, что предпринять дальше. – Вечно скользкая тема. Мосина была начальницей отдела. Весь учет, всю статистику она вела и контролировала.

– Понимаю, к чему вы клоните, Гек, – ответила Катя. – Но Маргарита Мосина простой клерк, вольнонаемная сотрудница, хотя и с большим стажем. Учет она вела, контролировать ничего не могла. Сейчас все автоматизировано, компьютеризировано через дежурную часть УВД и главка.

– Но проверить не мешает, а? Случается, мухлюют менты, подтасовывают? – Гектор усмехнулся.

Катя достала мобильный, включила громкую связь и позвонила шефу пресс-центра – пора было поставить его в известность, куда она пропала. Про убийство в Кашине шеф уже читал в сводке, про ночное происшествие с тромбонистом, о котором ему рассказала Катя, – нет. Событие по сводкам не прошло. Шеф обрадовался, что Катя все еще на месте, в гуще кашинских событий: убийство сотрудницы УВД – ЧП! Естественно, подобным делом необходимо заняться пресс-службе, чтобы получать информацию из первых рук. Катя обратила его внимание на то, кем работала Маргарита Мосина, и попросила проверить в главке – проводились ли в Кашинском УВД служебные проверки по отчетности. Когда и каковы их результаты? Шеф ответил, что на поминках только и речи было об отличных показателях кашинцев под руководством полковника Варданяна. Сказал, что в главке к нему – варягу из министерства – всегда относились настороженно. И поэтому, конечно, он проверит Катину – не версию пока, так... рабочее предположение. Он официально откомандировал Катю заниматься исключительно кашинским убийством. Вопрос с пресс-службой был улажен.

Гектор молча слушал переговоры и наблюдал, как в Кашинский УВД в автозаках привезли сразу две группы мигрантов. Их препроводили в крыло, где сидел уголовный розыск.

– Веригин затеял большой чес, – заметил он. – Вероятно, ищет тех, кто ставил забор Филемону и Бавкиде, но не сошелся с парочкой в цене. Всегда начинают с легкого и очевидного. Но только не вы, Катя, да?

– И не вы, Гек.

– В Кашине нам больше пока делать нечего. Трупы увезли на вскрытие в областное бюро судмедэкспертиз. Вы, кажется, знакомы с тамошним корифеем?

– Ой, да, Сиваков наш! Он часто работал с полковником Гуциным, я о нем вам рассказывала, – вспомнила Катя. – Вы хотите с Сиваковым встретиться в бюро?

– Ага, – Гектор кивнул. – Вечерком, как до Москвы доберемся. И заглянем в прозекторскую на огонек. Попозже.

Катя отыскала в контактах мобильного телефон Сивакова. Тот Катю сначала не узнал, но потом даже обрадовался: «Екатерина! Сто лет вас не видел!»

Оказалось, что тела из Кашина только что привезли и он еще не приступал к осмотру и не знает, оттаили ли они дорогой в черных мешках. Катя дипломатично поинтересовалась: «А можно нам с коллегой вечером приехать к вам в прозекторскую? Всего несколько вопросов». И Сиваков – страдавший провалами памяти, однако благоволивший к Кате – милостиво разрешил.

– В Москву, в Москву. – Гектор включил зажигание в «Гелендвагене». – Но сначала надо перекусить и навестить тромбониста в больнице. Что первое – на ваш выбор.

– Зарецкий вам покоя не дает. – Катя покачала головой, однако она понимала: без разговора с тромбонистом они точно Кашин сегодня не покинут. – Нас к нему в реанимацию вчера не допустили.

– Может, сейчас пустят. Зарецкий вчера заснул под утро, не дрыхнет же он целый день. Надо узнать о его самочувствии, потолковать с ним, если он, конечно, в себя пришел, опомнился.

– Когда мы в Умново приехали к дому Мосиных, сходство сразу в глаза бросилось. – Катя раздумывала. – У тромбониста два дома в его рассказе фигурировали – старый и новый. Старый с террасой. И у Мосиных тоже.

– У Мосиных три дома. Еще и магазин, – заметил Гектор.

– Тромбонист кричал про жертву, которую видел. А к домам Мосиных можно подойти с дороги, забор отсутствует, – перечисляла Катя. – И потом, топор, Гек! Какое совпадение.

– У Мосиных топор бросили в холодильную камеру вместе с трупами.

– У Маргариты Мосиной ужасные раны на лице.

– Катя, у нее не рубленые раны. В холле нашли монтировку.

– Тромбонист кричал нам – в доме начался пожар. А весь дом Мосиных залит санитайзером. Он же горячий. Гек, дом пытались поджечь после убийства. Это же очевидно. Но поджог не удался.

– Трупы супругов бросили в холодильную камеру и установили быструю заморозку. Зачем это делать, если планировали в доме пожар? Все бы сторело. При пожаре именно холодильная камера могла сохранить останки. Конечно, электричество бы вырубилось, но там стены каменные, обшитые металлическими пластинами, и стальная дверь. И температура ниже нуля, лед. Пламя до трупов бы не добралось. Возможно, санитайзер разлили по всему дому в таком огромном количестве с какой-то иной целью.

– С какой, Гек?

– Пока не знаю, надо сначала понять всю картину в целом – что с трупами, как кого и где убивали. Вы заметили – на месте убийства никто из опергруппы не задавал обычных вопросов экспертам и судмедэксперту: когда наступило время смерти?

Катя подумала: он все берет на карандаш, каждую деталь. А она... конечно же, и внимания не обратила. А Гектор – всегда Гектор. При любых обстоятельствах.

– Многое и не совпадает, Гек, – после небольшой паузы произнесла Катя. – Так много, что... но тромбонист и у меня из головы не идет, когда я вспоминаю мосинский кошмар.

– Потому что тромбонист – феномен. Какой – мы еще не знаем. И случай с ним тоже редкий феномен. Так что выбираем сначала – обед или визит в больницу?

– Тромбониста, – твердо объявила Катя. – После места убийства как-то... нет, лучше повременить с обедом.

В больнице в регистратуре им сообщили, что Зарецкого утром перевели из реанимации в общую палату. Что состояние его стабильно. Они нашли его в терапии. Он сидел на кровати и спорил с медсестрой насчет своего протеза, который уже был на его ноге. Медсестра уговаривала его лечь и снять протез. Катя обрадовалась: раз слабо препирается – значит, вышел из своего шокового состояния.

В палате вместе с Зарецким находились еще два старика – один лежащий, под его койкой стояло судно. Ко второму явилась старуха-жена (в больнице только кончился тихий час и начали приходить посетители). Старик вместе с женой ушел на улицу гулять.

Тромбонист Зарецкий выглядел осунувшимся, взъерошенным. Он то и дело чихал и кашлял. Но в целом вид у него был вполне нормальный – обычный миловидный парень с мелкими чертами лица, темноглазый, кудрявый и темноволосый. Зеленая больничная роба оказалась ему велика. Он уставился на Гектора и Катю.

– Здравствуйте, Евгений. Помните нас? – спросил его Гектор.

– Нет. А вы кто? – Тромбонист переводил недоуменный взгляд с Гектора на Катю. Она поняла: он не притворяется. Он и правда не знает, кто перед ним.

– Это мы нашли вас ночью на проселочной дороге под дождем после удара молнии, – мягко произнесла она. – Меня зовут Екатерина.

Гектор тут же придвинул ей стул, и она села рядом с тромбонистом. А Гектор встал в ногах кровати и оперся руками о спинку.

– Евгений, как вы себя чувствуете? Вы помните, что произошло с вами ночью? – Катя старалась сразу установить с ним контакт, вызвать его доверие.

– Чувствую себя... странно, непривычно. Тело покалывает. Мне здесь, в больнице, все наперебой твердят – я чуть ли не зомби, ходячий мертвяк. – Тромбонист криво усмехнулся. – Что я переполошил всех – и полицию, и врачей, что нес какую-то чушь.

– Да, было дело, Женя. Вы кричали на дороге, пугали нас. Кстати, меня зовут Гектор Игоревич. – Гектор по-свойски кивнул. – Молния ударила почти рядом с вами.

– Мне сказали, но я этому не верю. Как такое возможно? – Тромбонист моргал. – Чего же я живой тогда?

– Ну, разные обстоятельства, разные натуры. – Гектор рассматривал его с откровенным интересом. – Сами-то, Женя, вы что помните из ночных приключений?

– Ничего.

– Вы играли в джазе на поминках здешнего начальника полиции. Джазом руководил ваш маэстро Аратюнянц. Я вас видела в оркестре, а вечером вы покинули поминки на своей машине, – терпеливо начала подсказывать Катя.

– Ну конечно, мы днем приехали с джазом. – Тромбонист кивнул. – Кашин... я в Кашине до сих пор! Каждый сам добирался до Кашина. Я на своей машине, например. Я очнулся уже в реанимации. – Он начал чихать, закашлялся. – Я где-то простудился. У меня еще утром была температура 37,6. Но сейчас спала. Мне на ковид сделали тест. И он отрицательный. Доктор сказал, пробуду в больнице пару дней и меня выпишут. Здесь так убого. – Он растерянно глянул на тумбочку, где лежали таблетки и тарелка с его недоеденным обедом: размазанное серое картофельное пюре и огрызок сосиски. – Ох, а где моя машина?

– У нее от удара молнии сгорело колесо и, возможно, мотор накрылся. Она сейчас на полицейской автостоянке, – ответил Гектор. – Как вы вышли из «Рено» под дождем на пустой дороге, это вы помните?

Тромбонист нахмурился и кивнул.

– Да. Я куда-то зарулил не туда. Я же в Кашине впервые. Видимость была ноль, и я остановился где-то... Дворники не справлялись с потоками воды. Я вышел.

– Зачем вы открыли заднюю дверь машины? – продолжал задавать наводящие вопросы Гектор.

– Заднюю дверь... – Парень словно пробирался в потемках, в дебрях своих спутанных воспоминаний. – Зонт мне понадобился. Он лежал на заднем сиденье, вместе с футлярами. Я раскрыл зонт, но он мне не давал поправить дворники, и я его водрузил на дверь машины.

– И что дальше?

– Понятия не имею.

– Случай с вами попал на дорожную камеру, – пояснила Катя. – Мы видели вспышку молнии. И вы нам на дороге потом кричали: «Вспышка!»

– Я про дорогу вообще ничего не помню. Повторяю, я очнулся в больнице. Испугался сначала, что угодил в аварию.

Гектор смотрел на него. Катя ждала, что он начнет бросать тромбонисту вопросы про топор, разрубленное лицо, кресло, веревки, пожар в старом доме. Однако Гектор молчал. И Катя решила не проявлять инициативу пока.

– У вас от колена протез, Женя. И вы аварии испугались, когда очнулись. Вы ногу в ДТП потеряли? – спросил Гектор.

– Нет. Мне ногу оторвало в трехлетнем возрасте, – просто ответил тромбонист.

Катя похолодела.

– Как же так? – спросила она.

– Минно-взрывная травма. В Чечне. – Тромбонист обернулся к Кате. – Я родился в Грозном. Но я, конечно, взрыва сам не помню. Я с малых лет привык, что безногий. Калека.

Гектор изменился в лице, как только услышал. Он обошел кровать и сел рядом с тромбонистом.

– Слушай, Женя... Прости, что я лезу... Но я в свое время тоже там был.

– В Чечне? Воевали?

– Да. Но я тебя намного старше. – Сорокашестилетний Гектор смотрел на двадцативосьмилетнего музыканта почти как на собрата. – Честно, не из пустого любопытства спрашиваю.

– Ну, Гектор Игоревич, учитывая, что именно вы и Екатерина меня спасли ночью после удара молнии, про который я не в курсе, расскажу, если интересно. – Тромбонист пожал плечами. – Я родился в Грозном. Мать... это я уже потом узнал... она приехала туда еще до войны, работала в исполкоме, занимала крупную руководящую должность. Отца своего я не знаю, видимо, родился от случайной связи, матери было уже за сорок. И когда все началось, она из Грозного не эвакуировалась – может, потому что я был маленький у нее на руках. Что с ней стало, не знаю – то ли ее убили, то ли она без вести пропала. Меня забрали какие-то ее знакомые – то ли русская семья, то ли смешанная. Я всегда говорил по-русски, с самого раннего детства, и даже потом, когда был у них...

– В плену? – хрипло спросил Гектор.

– В рабстве. – Тромбонист облизнул сухие, растрескавшиеся от жара губы. – Как мне потом говорили, те, кто меня забрал, видимо, пытались покинуть город и где-то в горах попали на минное поле. Мне, трехлетке, оторвало ногу по колено. Но я не умер. Я как-то выжил. Наверное, меня вылечили те, кто меня на минном поле подобрал. До шести с половиной лет я жил в большом высокогорном ауле, который служил базой одного известного террориста. Но я мало что помню из того времени.

– Что ты помнишь? – спросил Гектор.

– Вершину в снегу. Высокая гора. Я на нее часто смотрел.

– Тебулосмта.

Тромбонист Зарецкий глянул на Гектора.

– Она и вам знакома.

– Я бывал в тех местах.

Катя ощутила, как слезы наворачиваются на ее глаза. Простой диалог – а сколько скрыто за их словами.

– Что ты еще помнишь? – спросил Гектор.

Тромбонист опустил кудрявую голову.

Звуки визгливой кавказской гармоник. Она играет на улице высокогорного аула. Воздух прозрачный, пахнет дымом. Ранняя теплая осень. Блистательный Кавказ.

Он, шестилетний мальчик, стоит на коленях возле колоды для рубки мяса, что во дворе большого просторного кирпичного дома, где обитает бородатый хозяин и четыре его жены.

Дикая боль от содранной кожи, которую он ощущает постоянно... Из-за отсутствия левой ноги он все свои малые годы передвигается подобно зверьку, на четвереньках. Порой пробует встать, упорно желая ходить, цепляясь худыми ручонками за дерево, каменную загородку, дверь сарая, однако сразу падает, когда пытается прыгать на одной ноге. Костылей у него нет. Никто не дает ему – шестилетке – костыли. Подпираться суковатой палкой не получается. И он ползает на четвереньках, на своем обрубе ноги, опираясь на колени и на ладони.

Кожа на обрубке и на коленке здоровой ноги содрана почти до мяса. Он одет в старые рваные спортивные штаны – левая брючина обрезана, а правая в дырах, – сплошные лохмотья. На обрубке запеклась толстая корка, она лопается, и оттуда сочится кровь. Обрубок постоянно гноится. Ссадины болят адски и на руках, и на колене.

Он словно античный Марсий приговорен ощущать боль содранной кожи.

На колоде перед ним обезглавленная курица, он должен ощипать с нее перья. Работа трудная для шестилетки, пальцы его плохо гнутся, но он выдирает перья горстями, и они кружатся в воздухе над его головой. У каменной ограды два пленных русских солдата таскают тяжелые бетонные блоки. Солдаты скованы по ногам цепью. Целый день они трудятся – в высокогорном ауле боевики строят укрепления, ждут армейского штурма.

Пленные солдаты – рабы. Каждый вечер их спускают в вонючий подвал, где приковывают на ночь цепями к столбу. Им не больше двадцати, но выглядят они как старики – оба седые, истощенные до предела. Их обоих потом собственноручно обезглавил хозяин дома, когда они построили стену укреплений и стали больше не нужны. Превратились в обузу – лишние рты.

Из дома выходят две женщины, закутанные в черные платки до глаз. Жены хозяина носят хиджабы. Обе молодые – старшей не больше двадцати, а второй лет пятнадцать. Ее привезли и выдали замуж недавно, и она все никак не привыкнет к укладу в доме мужа.

Старшая ставит перед малышом-калекой, что ощипывает курицу, выполняя заданную на день работу раба, эмалированную миску с жидкой кашей. В ней плавают вываренные бараньи кости без мяса. Мяса калеке никогда не дают. В свои шесть лет он привык разгрызать бараньи хрящи. Ложки ему тоже никогда не дают. Он быстро, как ящерица, ползет на четвереньках к миске, обед подоспел. Постанывает от боли из-за содранной кожи. Обрубок вечерами ему смазывает какой-то арабской мазью главная жена хозяина-боевика. А то давно бы началась гангрена. Старшая, главная жена сдерживает ее мазью-антисептиком. Маленький раб нужен в хозяйстве, он может ощипывать куриц и перебирать просо, мыть во дворе посуду.

Малыш наклоняется и хлебает кашу прямо из эмалированной миски. Затем приступает к костям. Обсасывает их и с хрустом грызет хрящи.

Младшая жена хозяина-боевика промывает в ведре бараньи кишки от крови и переваренной травы. Она поднимает голову и с брезгливым любопытством следит, как шестилетний мальчишка-раб, захваченный в плен, с обрубком ноги ползает в пыли и стучит бараньей костью по дну миски, выбивая костный мозг.

В глазах жены боевика мелькает отвращение. Она окунает тряпку в ведро, где вода уже стала бурой, и крутит ее в жгут. А потом делает шаг к калеке и наотмашь бьет его мокрой тряпкой по лицу.

– Ууу, шайтан! – восклицает она.

Калека, потеряв равновесие, валится на спину. Содранная кожа на его культе болит так, что уже невозможно терпеть. Он скрипит зубами от боли. По лицу его стекают капли грязной воды, смешанной с кровью.

– Меня солдаты освободили. Они штурмовали аул, был жестокий бой, – сказал тромбонист Евгений Зарецкий Гектору. – Отправили меня в Моздок в госпиталь. Вы там бывали?

Гектор кивнул.

– А потом в Москву в детскую больницу, учили меня ходить сначала на костылях, потом сделали мне протез, врачи долго занимались со мной на реабилитации. Когда я освоился с протезом, меня перевели в подмосковный детский дом. И я там жил – в Люберцах. Над нами музыкальная школа шефствовала. А у меня к музыке оказались способности. Я играл на многих инструментах в школе: на трубе, на фортепиано, потом выбрал себе тромбон. А в четырнадцать лет меня усыновил руководитель школьного оркестра Георгий Яковлевич Зарецкий. Они с женой были уже в преклонных годах, но у них сын скорострительно умер, и они забрали меня из детдома, вырастили, дали образование. Единственные мои родные люди. С подачи

приемного отца я после школы поступил в Гнесинку. Но не закончил – мои старики умерли, и надо было зарабатывать на жизнь. Я сейчас играю в джазе. Живу в Люберцах, мои приемные родители оставили мне хорошую квартиру.

Гектор и Катя молчали. Гектор был бледен.

– Послушайте, я не знаю, что болтал ночью, – признался тромбонист Зарецкий. – Я вообще ничего не помню. Совсем.

Глава 9

Сизиф

Катя понимала, какими мыслями и воспоминаниями обуреваем Гектор после встречи в больнице с Зарецким. Он вырулил на главную улицу Кашина и остановился в конце ее возле пиццерии.

Но он медлил, о чем-то раздумывал, что-то решал. Затем достал мобильный и кому-то позвонил. Как обычно, без «здрасьте – до свидания», коротко бросил:

– Сделай для меня срочный запрос 36–15. Я потом с тобой расплачусь. Нет, нет, не в «анналы». В центральный архив МВД. Исходные данные я сейчас тебе скину. Мне нужна вся информация по совпадению начиная от двух-трех вводных и далее. И как можно быстрее. Лучше всего завтра. И еще некто Мосин Иван Андреевич, уроженец Кашина, пенсионер МЧС и бывший сотрудник городской пожарной части, затем торговец мясом в Кашине. Все на него – начиная с МЧС, и по бизнесу – связи, поставщики, если есть, компаньоны. И тоже срочно.

Он дал отбой и начал набирать текст в своем навороченном мобильном. Затем отослал сообщение.

– Вы какую пиццу любите, Катя? – спросил он, закончив и убирая мобильный в карман брюк.

– Ту же, что и вы. Пополам возьмем.

Когда они шли к пиццерии, Катя сама взяла его за руку. Ощутила, как он сразу сплел их пальцы, крепко сжал. Черные воспоминания о снегах горы Тебулосмты... Катя пыталась изгнать их из его сердца. В пиццерию они вошли, держась за руки.

Народу в зале никого, летом в сельском Кашине страда, все в полях, у местных денег кот наплакал, не до посиделок в кафе. Однако в меню значились и «Гавайская» пицца, и «Неаполитано». Гектор заказал «Четыре сезона – макси» и кофе, по их с Катей уже устоявшейся традиции, – капучино и двойной эспresso.

Однако ели они вяло, Катя еще не пришла в себя после ужасов дома с холодильной камерой, а Гектор от визита к тромбонисту.

– Я тут вспомнил. – Гектор допил эспresso. – Читал в интернете про мужика из Колорадо. Шел он под зонтом по дороге во время грозы, и в него шарахнула молния. В отличие от Зарецкого – прямое попадание. Но он выжил, оклемался. И превратился в некий феномен.

– Какой, Гек?

– Он стал невероятно точно предсказывать погоду. Грозу. Причем за два-три дня, когда и метеорологи не давали ясных прогнозов. Он объяснял свой феномен тем, что у него начинает покалывать все тело – и чем гроза ближе, тем колет сильнее. Катя, вы помните, какой голос был у Зарецкого ночью на дороге?

– Станный. Очень высокий.

– Не то слово. Почти детский. – Гектор подозвал официантку и расплатился картой.

– По-вашему, он все-таки что-то видел, хотя и отрицает, да? – спросила Катя.

– Насчет убийства Мосиных – спорно.

– Тогда в детстве? В Чечне, в плену у боевиков? Кого-то убили на его глазах?

– Терраса и ходики с кукушкой не вписываются в кавказский быт. Мальчиком он жил в Люберцах – в детдоме, потом в приемной семье. И сейчас обитает в Люберцах.

Катя молчала.

– Ну, пора к вашему Сивакову, – объявил Гектор. – Пока доберемся до бюро судмедэкспертиз, авось и результаты какие-то у вашего корифея появятся.

Дорбгой Гектор не отрывал от Кати глаз. Она снова куталась в его черный пиджак – к вечеру совсем похолодало. Погода менялась. Августовская удушливая жара отступала.

– Катенька, ну я не полицейский, – заметил Гектор. – Перед светилом вашим из бюро не хочу позориться, как дилетант. Жажду услышать мнение умного сведущего человека, побывавшего на десятках диких и жестоких преступлений.

– Мое, что ли, мнение? – фыркнула Катя. Гектор снова – ура! – прежний. Искры в серых глазах сверкают. Она подумала: любой ее знак внимания, любая мимолетная ласка ободряет, окрыляет его, возвращает ему душевный покой. Словно лечит его...

– Что я увидела на месте убийства Мосиных? – Катя откинулась на подголовник сиденья и сосредоточилась. – Два дома и магазин. В новом доме три железные двери. Входная дверь не взломана.

– На этой двери два замка, задвижка и цепочка, – кивнул Гектор. – Убийца в дом не врвался, его впустили Мосины. Вывод?

– Это кто-то им знакомый, кого они совсем не боялись. И легко впустили ночью. Круг общения у них довольно широкий – сотрудники полиции, бывшие коллеги Мосина по МЧС, те, кто входил в орбиту его мясного бизнеса. Вплоть до водителей грузовиков, привозивших мясо, наверняка фермеры-поставщики. Ну, наверное, какие-то родственники, хотя в УВД уверяли нас, что у Маргариты Мосиной никого нет. Вряд ли они бы открыли так легко рабочим, с которыми повздорили, хотя... те могли притвориться, что вернулись и согласны на их условия. Да, еще насчет дверей – та, что ведет в морозильную камеру, не имеет замков вообще. А смежная дверь между домом и магазином была открыта.

– Когда люди ложатся спать, они запирают все двери в дом, логично?

– Логично, Гек. Ох, прямо у двери валялась бензопила, о которую Веригин в крови споткнулся. Как она там оказалась? Это вещь убийцы?

– Мясники используют бензопилы для разделки мороженных туш. На крюках в холодильнике висели свиные, – сказал Гектор.

– И еще в доме большие канистры с санитайзером, – вспомнила Катя. – Зачем он Мосиным в таком количестве? Или убийца с собой все принес? Но канистры литров на десять каждая.

– Мясной магазин. Лето, мухи, оводы. Мосины следили за гигиеной, боролись с антисанитарией. А в таком количестве могли закупиться санитайзером впрок, оптом всегда дешевле.

– Но я до сих пор не понимаю, что именно произошло в доме. У Мосина отрублена правая рука... кисть. – Катя содрогнулась.

– У меня есть кое-какие соображения насчет картины убийства, но сначала стоит послушать вашего судмедэксперта, – попытожил Гектор.

– Вы тот самый полковник Гектор Борщов, который весьма активно вмешался в расследование отравления в Полосатово и пригнал туда какого-то невероятного химика-эксперта, спеца по ядам с таким оборудованием, что нам и не снилось?⁶ – осведомился судмедэксперт Сиваков, когда они явились к нему уже в восьмом часу вечера в бюро в прозекторскую, и Катя представила своего спутника. – Молодой человек, ну вы даете. Откуда такие возможности? У нас отравления в области крайне редки, к счастью, случай в Полосатово стал настоящим криминальным событием. Но и укором нам – мы-то такой спецтехникой не владеем, мы на голодном пайке, что называется. Бюджет скуден.

– Я просто пытался помочь всеми силами полицейскому расследованию, – ответил Гектор – такой сразу скромняга, голос вежливый, вид почти смущенный.

⁶ Подробно о расследовании дела об отравлении рассказано в романе Т. Степановой «Великая иллюзия».

– Мне вот никто никогда не помогает, – печально пожаловался Сиваков, разглядывая полковника Гектора Борщова сквозь круглые очки и Катю в его пиджаке, накинутом на плечи. – Я, как греческий Сизиф, вынужден ежедневно вкатывать тяжелый непосильный камень на гору истины и правосудия – вскрытия, вскрытия, трупы, трупы... Абсолютная неблагодарность бездарных начальников, постоянные необоснованные упреки... И все это к вечеру обрушивается на меня, как сизифов камень, так что остается единственное утешение – семь капель для поднятия духа. Коллега-полковник, вы выпиваете?

– Ага. Бывают моменты. – Гектор Борщов глянул на Катю.

Она совсем притихла. Ибо Сизифа они застали не в прозекторской за вскрытием супругов Мосиных, а в его тесном захламленном кабинете, заваленном книгами по медицине, справочниками и анатомическими образцами костей и внутренних органов.

Возле открытого ноутбука кипел электрический чайник, рядом с муляжом почек стояла початая бутылка настойки – то ли «клюковки», то ли «рябиновки».

– Вы прямо из Кашина ко мне? – осведомился Сиваков и достал из ящика стола еще две кружки. – Милости прошу чай пить со мной. Екатерина, вам алкоголь не смею предлагать. А полковнику плесну, если тот не возражает.

– Вы закончили вскрытие? – осторожно поинтересовалась Катя.

– Я в середине потока, как говорят даосы. – Сиваков щедро плеснул в кружку Гектора Борщова своей настойки. – Решил взять рекламную паузу.

– Ваше здоровье, профессор, – Гектор Борщов чокнулся с ним кружкой, хлопнул залпом. – Но первые результаты вам уже ясны, так?

– Ах, задавайте ваши вопросы, – капризно объявил Сиваков. – Я адски устал, а мне еще завершать вскрытие обоих супругов.

И он бухнул себе прямо в чай настойки. И Гектору – снова щедро.

– Когда их убили? Когда наступило время смерти? – Гектор наконец задал главный вопрос, без которого, как Кате казалось, невозможно двигаться дальше.

– А никто вам не скажет этого. – Сиваков вздохнул. – Зачем их заморозили, словно куски мяса? Именно для того, чтобы никто никогда не смог установить точное время их смерти. Мне рапорт прислали кашинские пинкертонны по электронке – в холодильнике для мяса была установлена быстрая максимальная заморозка. А это сорок минут. Супругов могли прикончить за час-полтора до того, как их обнаружили. А могли убить и за три, пять, десять часов.

– Но в доме следы крови, – сказала Катя. – Кровь разве не может помочь в определении времени смерти?

– А структура крови вся разрушена. – Сиваков поднял очки на лоб и потер красные усталые глаза, в которых уже плескалась «клюковка»-«рябиновка». – Кровь жертв буквально растворена разлитым химикатом.

– Санитайзер, – подсказал Гектор. – Значит, убийца использовал его, чтобы...

– Чтобы и кровь нам не помогла. Ни о каком ДНК убийцы на месте, естественно, и речь уже не идет. А образцы крови почти непригодны для исследования. Разрушена структура. Единственное, что определилось из пары образцов, поврежденных меньше других, – группа крови.

– Где именно и какой группы следы? – уточнила Катя.

– Приблизительно. Не точно. Следы первой группы в прихожей. Мне кашинские криминалисты прислали примерную схему по электронке. Первая группа у женщины. И фрагмент следа волочения на полу у морозильной камеры – тоже первая группа.

– А в мясном магазине? – спросил Гектор.

– Вторая группа. Она же у мужчины, у супруга.

– Ужасные раны на его животе от бензопилы? – Катя продолжала задавать свои вопросы.

Сиваков плеснул себе третью порцию настойки.

– Нет. У него единственная рубленая рана живота и нижнего отдела грудной клетки. Его правая кисть отрублена тоже топором.

– А у женщины – раны лица? – Гектор слушал патологоанатома очень внимательно. – Они ведь не лезвием топора наносились. Обухом?

– Нет. Тяжелым предметом продолговатой формы.

– Монтировкой, которую нашли в прихожей?

– Мне в рапорте криминалист так и написал. – Сиваков, которого уже вело, выпил чай с настойкой. – Они думают, что ее убили этой штукой. А я предполагаю, предмет использовали другой.

– А какой? – спросил Гектор.

– У нее перелом носа, переломы челюсти и вдавленные переломы лобной кости. Монтировка повредила бы кости и ткани иначе. Она тяжелая, однако диаметр невелик. Предмет, которым убили женщину, был тоже увесистым и более широким – это я вижу из состояния ран. Ее не долбили по лицу монтировкой. Ее ударили всего дважды и нанесли такие страшные повреждения.

– Но никаких других предметов... ни дубинки, ни полена, ни биты в доме не нашли. И это не обух топора, как вы говорите. Только монтировка. Зачем ее тогда подбросили?

– Чтобы создать видимость, что ею и убили. Настоящее орудие убийства преступник забрал. Возможно, оно прямо на него могло указать.

– Все ранения и стали причиной их смерти? – спросила Катя.

– У женщины – да. Она скончалась от ударов, фактически разбивших ей лицевой отдел. Черепно-мозговая травма. По моему мнению, на нее было совершено мгновенное нападение, она его не ожидала, даже не защищалась – у нее нет синяков на руках, она не успела ими закрыться. У мужчины отсечение руки топором спровоцировало обильное кровотечение, но причиной смерти стала, конечно, глубокая рубленая рана живота с повреждением внутренних органов. Подобные раны просто несовместимы с жизнью. Когда именно все произошло – неизвестно. Потому что тела были заморожены. Видимо, убийце было крайне важно, чтобы следствие не смогло установить не только определенное время, но даже примерный временной интервал. Я, конечно, ночью займусь гистологическими исследованиями их желудков, но при заморозке это тоже особой роли не сыграет. И картина на месте преступления для меня тоже пока туманна.

– А можно, я для вас сейчас попробую смоделировать? – скромно осведомился Гектор. – Как мне теперь все представляется, учитывая ваши слова и ту схему с расположением групп крови.

– Валяйте, коллега, – пьяненький Сиваков махнул рукой. – Дело поганое, темное. Так я вам скажу. А уж я-то повидал на своем веку жмуриков.

Осоловелый Сиваков прихлебывал свой чай с настойкой. А Катя вся обратилась в слух. Она отлично помнила, как точно описал Гектор картину убийства на месте отравления в Полосатово, когда они тоже терялись в догадках, а он оперировал лишь скудными фактами. Впоследствии оказалось, что все произошло именно так, как он описал. У него дар к таким вещам – представлять себе картину в целом по отдельным фрагментам.

– Входная дверь в новом доме Мосиных не взломана. Мне представляется, судя по следам крови первой группы, которая принадлежит нашей Бавкиде...

– Кому? – Сиваков удивленно воззрился на Гектора.

– Потерпевшей, – сразу поправился Гектор. – Именно она открыла дверь и впустила убийцу в дом, не опасаясь его. И он сразу напал на нее, нанеся смертельные удары в лицо. Пусть не монтировкой, чем-то еще. В этот момент, возможно, ее муж находился в морозильной камере с бензопилой. Например, хотел разделать свиную тушу. Когда его жена открывала убийце, его ничто не встревожило, не насторожило сначала. Но затем крики жены и звуки уда-

ров заставили его выскочить из холодильной камеры с бензопилой в руках. И убийца встретил его не в прихожей, а уже на пороге магазина – они сошлись лицом к лицу. Именно там, согласно схеме, присутствуют следы крови второй группы – крови мужа. Когда он выскочил с бензопилой из холодильной камеры, убийца сразу понял: то, чем он прикончил женщину, против бензопилы не сработает. В магазине при осмотре обнаружена колода для рубки мяса, ее опрокинули и отбросили к стене. Я думаю, в колоде изначально был топор, которым мужмясник рубил мясо. Убийца мгновенно сориентировался. Он схватил топор, когда потерпевший напал на него с бензопилой. Ударом топора он сразу отсек Мосину правую руку. Тот уронил бензопилу. Она упала в холле прямо на пороге магазина, где ее и нашли полицейские. А Мосин от болевого шока не способен был уже защищаться. И убийца нанес ему смертельную рану топором в туловище, в живот. Трупы, топор и отсеченную кисть он бросил в морозильную камеру и включил быструю заморозку. А по всему дому и магазину – по полу, стенам, дверям, крыльцу, по бензопиле, по лужам и потекам крови он разлил из канистр почти двадцать литров санитайзера.

– Гек, он сам был бы весь окровавлен с ног до головы, – заметила Катя.

– Или она. – Сиваков пожал плечами. – Топор вещь страшная. Им и женщина в ярости или припадке безумия способна орудовать так, что только щепки полетят... кровавые ошметки.

– Убийца мог быть в дождевике, ливень же начался в Кашине, – размышляла вслух Катя. – Дождь пошел где-то в семь вечера, а потом гроза с молниями и громом... И даже когда гроза закончилась, все равно капало – моросило до рассвета.

– Вот из этого исходите, – словно разрешил им Сиваков. – А вы, полковник Борщов, – большой выдумщик. – Он глянул на Гектора сквозь очки снисходительно. – Надо ж такое придумать – реконструировать. Как в кино.

– Я могу и ошибаться, – ответил Гектор. – Я ж не истина в последней инстанции.

Сиваков, пошатываясь, отправился в прозекторскую, чтобы снова облачиться в защитный костюм и маску и продолжить катить свой сизифов камень.

Была уже почти половина одиннадцатого, когда Гектор и Катя приехали на Фрунзенскую набережную к ее дому.

Катя вернула Гектору пиджак. Он достал из кармана брюк ключи от ее квартиры и протянул ей.

– Катенька...

– Гек, вы сутки молчали о своих собственных делах, – сказала Катя. – Но я ни на секунду не забывала... я места себе нахожу... Гек, пора нам с вами о главном поговорить. Кашин подождет. Гек, что случилось?

– Анализы плохие, – глухо ответил Гектор. – Совсем ни к черту анализы.

Катю словно ударило. Хотя... что притворяться – она ждала чего-то подобного.

– Ваши таблетки...

– Они больше не помогают. Мой врач позавчера мне их отменил. Ничего не заживает. Почти три месяца прошло. Сразу после операции было небольшое воспаление, но это обычное дело. Я все ждал. Я жпил эти чертовы препараты. Но воспаление не спало, дальше нагноение швов. Никакого теперь прогресса... даже хуже... Словно я должен вернуться в ту черную яму, из которой все пытался выбраться...

– Гек, а что ваш доктор говорит? – Катя, хотя у нее в глазах потемнело, старалась говорить спокойно. Глядя на его искаженное лицо, она пыталась не добавит ему сейчас боли своей паникой. Муки ему и так достаточно... Колесница... он к ней привязан... Колесница волочит его за собой, спицы колес мелькают, мелькают, набирают обороты...

– Вчера, когда вы отправились в Кашин, я опять поехал в клинику, мне сделали компьютерное обследование... результатов операции... пластики. – Гектор смотрел ей в глаза. – Ничего они мне пока не сказали. Взяли повторно кровь на анализ.

– Снова из вены?

– Да. Врач мне позвонил, когда я был на пути в Кашин, – заявил, как только он все посмотрит сам и с коллегами проведет консилиум, я должен явиться в клинику.

– Вместе поедem, Гек! – воскликнула Катя.

– Но это ж... такие дела... мужики больные... Надо ли вам видеть... совсем вам опротивею... окончательно...

– Я вам запрещаю такое говорить, слышите? Мы поедem в вашу клинику, как только врач назначит прием. Гек, есть места, куда не надо ходить одному. Необходимо, чтобы кто-то был рядом. Чтобы помочь, поддержать. Я еду с вами.

– Как кто? – Он все смотрел ей в глаза. – Как верный товарищ или добрая самаритянка?

– Как Я, – ответила Катя. Она подошла к нему и коснулась его щеки ладонью. – Кем я стала для вас. И кем вы стали для меня.

– Хорошо, поедem вместе. – Он повернул голову, коснулся ладони горячими губами. Накрыв ее руку своей, не отпускал, целовал ладонь.

– Это все чертов осколок спровоцировал, тот взрыв в Жаворонках! Вы меня спасли, а сами... – Катя спрятала лицо у него на груди. Не хотела, чтобы он видел ее слезы сейчас. – Это же невозможно столько вынести сразу, Гек! Столько боли... страданий...

– Ничего, живой пока. – Гектор уже словно ее утешал. – Ну, не надо... ну что вы, Катенька... пока все еще под контролем.

– У вас вечно все под контролем. Теперь я буду контролировать сама. Вместе поедem в клинику! – произнесла Катя решительно.

– Ладно, ваше слово – закон. Я и мечтать не смел просить вас... Завтра какой у нас план? – Он заглядывал ей в мокрое от слез лицо. Сам стал ладонью вытирать ее щеки.

– Вместе ждем звонка врача!

– Ну, он пока не звонит. А у нас, кажется, новое дело. Убийство. Я завтра за вами утром заеду в десять – и мы позавтракаем где-нибудь в хорошем месте, да? – Он опять словно уговаривал ее как ребенка. – Дальше по обстановке. И какие-то новости нарисуются – я запросы послал. Я еще попозже сегодня из дома справки наведу.

– Как всегда, у вас два звонка – три мейла? Гек, пожалуйста... Сейчас на Кашин плевать... Нам с вами надо главное осилить.

– Мы все сделаем. Ну, раз мы вместе. Насчет мейлов, скажем... пять мейлов и шесть звонков, и что-то да прояснится.

Они расстались, чтобы утром встретиться вновь.

Ночью Кате приснилась колесница. Она гулко громыхла по камням. Кони мчали ее мимо стен Трои. Катя, задыхаясь, бежала за колесницей.

Но никак не могла догнать.

Тело привязанного Гектора, обреченного на муку и гибель в той самой страшной песне «Илиады», билось об острые камни, о щебень со склонов снеговой горы Тебулосмты. Хотя гора и находилась далеко от Трои. Но в их собственной с Гектором «Илиаде» – книге судьбы – расстояния не имели значения.

Катя рухнула на землю. Последние силы покинули ее.

Но она все равно кое-как поднялась. Она не собиралась ползать в пыли, биться головой о камни и рыдать. Она не желала сдаваться.

Глава 10

Евмей-свинопас

– Утром, когда ехал к вам, Катенька, информацию мне скинули на Мосина, – сообщил Гектор.

Они завтракали на летней террасе уютного ресторана напротив Нескучного сада недалеко от Катиного дома. Гектор привез ее туда, забрав из дома, как и обещал. В отличие от встревоженной Кати, он был в прекрасном настроении и ужасно деловит. Катино решение о том, что они вместе отправятся в клинику, не просто придало ему сил – она видела – он пребывал сейчас почти в эйфории. Несмотря ни на что!

– Два звонка, три мейла – и результат, – вещал он бодро, наблюдая, как Катя ест творожную запеканку (себе он заказал яичницу с помидорами и беконом). – Никаких бяк на Мосина из управления кадров областного МЧС, увы, не прислали. Сплошные банальности. Рядовой сотрудник пожарной части, явно звезд с неба не хватал. Слиял на пенсию, как только стало возможно, по выслуге лет. Принимал участие в тушении больших торфяных и лесных пожаров в Подмоскovie в составе сводных отрядов. Много лет ездил в служебные командировки на такие ЧП. Я вчера вечером из дома постарался на него инфу собрать и как на бизнесмена. Мужика мне одного подкинули в связи с этим – некто Евмеев. Не то чтобы компаньон Мосина или прямой партнер по бизнесу, но с ним частенько пересекался. Мне его мобильный пробили. И я ему вчера *пря*м среди ночи позвонил. Он испугался! Оказывается, слышал уже об убийстве в Кашине – быстро слухи разлетаются. И повезло мне – сам он из Ефремова, туляк, но второй день в Москве обретается. Живет в дешевом хостеле и кредит оформляет в Сельхозбанке в головном офисе. Катенька, я его сюда вызвал к нашему завтраку. Не возражаете? Чтобы приятное нам с полезным совместить.

Катя смотрела на него. Ну, Гектор! Так лишь он может. В этот момент у него сработал мобильный – ему прислали очередной мейл. Он поднял брови. Непередаваемое выражение «ууууу!». «Круто!» И подмигнул Кате. Спрятал мобильный в карман черного пиджака.

– Вкусно? – осведомился он.

– Пальчики оближешь. Свежая запеканка с ягодами. – Катя улыбнулась. Гектор Шлемоблещущий... Тревога, что не давала ей покоя, под его взглядом начала таять.

– А вон и Евмеев нарисовался, – объявил Гектор. – *Щас*с я его раскручу.

На входе на летнюю веранду возле хостеса нерешительно топтался кряжистый мужчина в голубой рубашке и серых брюках. По виду – типичный провинциал.

– К нам! – Гектор поднял руку, привлекая внимание хостеса.

Катя подумала: не видел он Евмеева никогда, только по телефону говорил, а узнал сразу.

– Доброе утро, – бодро поздоровался Гектор, когда мужчина нерешительно, словно с опаской, подошел к их столу. – Присаживайтесь. Чувствуйте себя как дома. Кофе, чай? Так у вас собственная свиноферма?

– Как и по телефону ночью вам сказал, семь свиней и хряк-производитель. Ну поросята, чтоб на продажу. А чайку я выпью, если угостите. В горле пересохло.

Евмеев, имевший деловые связи с Мосиным, проассоциировался у Кати с гомеровским свинопасом Евмеем.

– Я по телефону узнал от мужика знакомого про Ивана Андреевича. За что же его убили? – Евмеев выказывал одновременно и живейший интерес, и скорбь, и страх, что приплетут его к уголовному делу.

– Разбираются правоохранительные органы, только начали расследование, – ответил ему Гектор и придвинул принесенный официанткой чайник с заваренным чаем и чашку. – Я на вас прямо вышел. Вы ведь вели дела с Мосиным насчет закупок свинины.

– Вы только ни во что меня не впутывайте. Я вообще ничего не знаю. Ваня перекупщик мой был, ясно вам? У меня ведь в селе – хлев свиной, одно название – ферма. Простой частник я. Мне *шлындра*ть в Москву на мясокомбинат или по ресторанам поросей возить, предлагать – накладно. По интернету часто ненадежно. Кидают с заказами нас, мелких производителей. А Ваня приезжал в Ефремов ко мне. Товар заберет и сам отвезет. Все стабильно, четко. И деньги налом. У него масса мест была схвачена, постоянный сбыт мяса, клиенты – он мне хвалился.

– Такой ушлый деляга? – удивился Гектор самым простодушным тоном. – А по нему и не скажешь – он же пожарный бывший. И в мясном бизнесе без году неделя, не то что вы – профессиональный свиновод со стажем.

– Через армян он все устраивал. – Евмеев шумно отхлебнул чай и добавил себе сахара. – Хвалился мне – через жену *что хошь* проверну и с максимальной выгодой.

– То есть?

– Баба его... ну, покойница-то, она ж армянка. Он мне сам говорил.

– Она сотрудница УВД была в Кашине, какое отношение она имела к торговле мясом?

– Вертела она своим Ваней как хотела. А устраивала все дела она, через земляка-армянина. Вроде ее начальник был он. Ну, в полиции. Они везде друг за друга стоят.

– А что еще вам говорил Мосин?

– Что бизнес у него крутится, потому есть мне резон с ним не ссориться, а в кооперацию вступать. Он, мол, мне всегда лучшую цену даст на поросенок. Он и гусей у нас в селах скупал у местных. И тоже все по ресторанам через связи жeniны пристраивал с выгодой. У других не купят, а у него возьмут. С других скидку требуют, а ему весь барыш.

– Вы с его женой Маргаритой были знакомы? – поинтересовался Гектор.

– Нет, ко мне в Ефремов он с ней не приезжал. – Евмеев покачал коротко стриженной головой, пегой от седины. – А по другим местам только с ней и ездил. Всегда они вдвоем, парочкой. Шерочка с Машерочкой. И по кашинским агрохолдингам. Мне мужики рассказывали – я в холдингах Кашина брюкву оптом брал и картошку на корм свиньям.

– Она же от звонка до звонка в полиции пахала, отдел статистики, – снова удивился Гектор. – Какие же могут быть деловые поездки с мужем по агрохолдингам?

– Значит, все успевала, ловкая баба, – усмехнулся Евмеев. – А может, не доверяла ему, боялась, что облапошат его при сделках. А на работе отпрашивалась.

– Вы когда последний раз виделись с Мосиным? – спросил Гектор.

– Недели три назад. Он веселый был, настроение хорошее. Кто ж их убил-то, а? Наездов на него ворья уголовного никогда не случалось. Известно им ведь, где его жена работала и что начальник их полицейский – тоже армянин. И в случае чего она, Маргоша, прямо к начальнику полиции Кашина напрямую обратится за защитой.

– Вроде ничего нам селянин тульский не поведал особого, а вроде и узнали мы нечто, а, Катенька? – Гектор, когда Евмеев с ними распрощался, подозвал официантку и начал заказывать «с собой на вынос» по меню: круассаны с ветчиной, сладкая выпечка.

– Гек, куда столько еды? Зачем? – спросила Катя.

– Нам с вами сегодня работы предстоит много. Нужно пропитание, сухой паек. – Он довольно улыбнулся Кате.

– Какой работы?

– В центральном архиве МВД. Прямо сейчас туда и рванем вместе. Мейл пришел – наготовили они нам с вами сюрпризов.

– Сюрпризов? – Катя силой отняла у него меню – он и горячее с собой уже нацеливался заказать «на вынос».

– Совпадение вводных, Катенька. Это не по Мосиным. По тромбонисту. Я вчера закончил кое с кем – должны они мне – и попросил организовать запрос по форме 36 – срочный в ваш полицейский центральный архив. Убийства топором за последние двадцать лет – тромбонисту ведь двадцать восемь, до шести находился в плену, затем в больнице... И не только по Люберцам я сделал запрос, где он жил в детдоме и приемной семье. А в целом по Подмоскovie и по соседним регионам.

– Сотни дел, Гек. – Катя была ошеломлена. – Десятки сотен дел. Недели, месяцы нам потребуются, чтобы только...

– Нет. Я попросил лишь те, где совпадение вводных от двух позиций и дальше по восходящей: хештег – жертва – женщина, топор, кресло с веревками, жертва связана, пожар, старый дом с террасой, рубленые раны лица, часы с кукушкой. Дело в том, что по совпадению параметров сейчас возможен поиск по компьютерной базе архива, дела последних пятнадцати лет автоматически заносились в банк данных. Те, что пятью годами раньше, – тоже уже оцифрованы. С более старыми уголовными делами такой финт у меня бы не вышел. А здесь – удача. Отобрали они нам по компьютерной базе сорок шесть дел, в которых так или иначе совпадают некоторые из заданных мной вводных. Проверим? Вместе дела старые почитаем?

Катя смотрела на него.

– Гек, вы меня порой просто поражаете.

– В хорошем или плохом смысле? – Он поднялся и прихватил с собой увесистый пакет с едой, принесенный официанткой.

– Никто так не может, как вы. – И Катя, подражая его тону булгаковского Фагота, тихонько воскликнула: – «Я восхищен!»

Глава 11

Совпадение вводных

В центральный архив МВД они попали легко – прежде Катя бывала в его стенах лишь с полковником Гущиным и помнила, как и тот порой в ноги кланялся «архивариусам», чтобы его запросы обрабатывались как можно быстрее. А с Гектором все без сучка без задоринки. У Кати на проходной попросили лишь служебное удостоверение и выдали стандартную форму заполнить – на пропуск. Она заметила, что Гектор на проходной не показал свой всесильный бейдж консультанта правительственных структур, которым пользовался три недели назад при расследовании дела в Полосатово. Он предъявил лишь свой паспорт и тоже заполнил форму на пропуск. Их направили в пятый архив.

Когда они шли по нескончаемому коридору в смежное здание, Катя заметила:

– Как же быстро вы все организовали.

– А чего нам тянуть? Я вчера одного типа из моей бывшей конторы просьбой озадачил – он мне в покер проиграл колоссальные бабки. – Гектор с улыбкой покосился на Катю. – Я ж бывший денежный вышибала в интересах конторы, не забывайте. Со мной они до сих пор на этой почве не связываются. Знают, что огорчусь сильно. Расстроюсь запредельно. Начну свои меры принимать.

– Вы все шутите, Гек.

– Катенька, здесь же просто пыльный полицейский архив, набитый делами о топорах и поджогах. Ничего сверхсекретного.

– Вы с тромбонистом Зарецким не желаете все так просто оставить, потому что он бывший маленький кавказский пленник, – тихо сказала Катя.

– Вы угадали. И калека, как я.

На пороге кабинета с окнами, закрытыми жалюзи от солнца, их встретил сотрудник архива. В пустом кабинете четыре стола и две доверху нагруженные большие тележки с необъятной горой уголовных дел.

– Нас известили, что отобрали сорок шесть штук по совпадению вводных в компьютерной базе. – Гектор созерцал стопки картонных папок, заполненных документами. – А здесь...

– Наша дежурная смена с семи утра ваш запрос обрабатывала, поднимала срочно дела из архива. Триста сорок шесть позиций.

Триста сорок шесть!

Катя обошла тележки. Гектор положил на стол пакет с перекусом и бутылку минералки, что прихватил с собой из машины, снял пиджак – рукава его белой рубашки снова были засучены. И начал сгружать папки с тележек на столы. Катя тоже засучила рукава своей белой хлопковой рубашки, которую дома надела вместе с льняной футболкой и синими льняными брюками.

– Под чутким руководством сведущего опытного человека, истинного полицейского профи, трудимся сообща. – Гектор декламировал, словно стихи Маяковского, и складывал папки стопкой. – Катенька, приказывайте, с какого конца нам начинать, чтобы не погрязнуть в архивной трясине.

Катя занялась сортировкой уголовных дел – некоторые были толстые, другие вообще многотомные, третьи – тоненькие: всего несколько бумаг подшито. Она отобрала сначала многотомные, их оказалось двадцать девять. Гектор сложил эти дела отдельными стопками на свободном столе.

– Гек, нас в каждом деле интересуют первые страницы. Протокол осмотра места происшествия и первичные рапорты. Если что-то мы в них найдем, уже дальше будем изучать весь том или все тома, если их несколько.

– Понял вас, фильтруем контент по таким параметрам. – Гектор придвинул к столу с многотомниками два стула – рядышком, они уселись с Катей и голова к голове начали «фильтровать контент».

Деревянный дачный дом... Возгорание... два обгоревших мужских трупа...

Жертва привязана к кровати, ей нанесено два удара топором с повреждением грудной клетки...

Проникновение на застекленную террасу деревенского дома... удушение... пожар...

Убийство потерпевшего и его сожительницы с помощью топора пришедшим в гости другом потерпевшего на почве совместного распития спиртных напитков... Оба трупа обнаружены на террасе загородного дома в Перхушково...

Катя читала свой контент – Гектор свой, но он то и дело заглядывал в ее уголовные дела, приближая к ее лицу свое. Она ощущала его дыхание. Он не выказывал никаких признаков разочарования из-за того, что дел оказалось в несколько раз больше. Напротив, он излучал активность. Положил руку на спинку стула Кати.

Через три часа чтения лишь первых документов в архивных делах у Кати от сидения на жестком стуле заломило спину. Вводные данные совпадали, но пока лишь фрагментарно. Самые распространенные теги из компьютерной базы данных – «убийство», «топор», «пожар».

Однако по таким тегам они к концу третьего часа отфильтровали почти все многотомники и принялись за толстые уголовные дела в одном томе.

«Рубленые раны лица...» Катя, прочтя это в рапорте, что открывал очередное дело, напряглась. Такого еще не попадалось. Она перевернула страницы – протокол осмотра места происшествия и фототаблица. Жуткие снимки... Не только рубленые раны лица, но и отчлененная голова. Убийство супругов в деревенском доме с целью ограбления...

Катя вспомнила Мосиных. И стала внимательно читать документы. Но больше не обнаружила никаких совпадений со словами тромбониста Зарецкого.

Пожар...

Топор, орудие убийства...

Жертва привязана обрывком электрического провода к стулу...

У Кати начало троиться в глазах от вводных.

Гектор поднялся со стула, потянулся всем своим мускулистым сильным телом – как тигр.

– Перерыв, – объявил он. – Мозги вянут от недоедания.

Катя тоже встала, прошлась по кабинету, потерла кулаком спину. Гектор подошел к ней сзади, обнял и наклонил ее сначала чуть назад, затем вперед, вбок, он двигался и сам в таком ритме. Затем медленно провел двумя пальцами по ее позвоночнику – от шеи до поясницы, легонько нажимая, словно перебирая, разглаживая позвонки. Его рука замерла. Катя покосилась на него – Гектор Шлемоблещущий, до копчика, что ли, твой массаж?

Однако Гектор не решился – отпустил свою добычу. Распечатал пакет с едой. Катя достала пачку антибактериальных салфеток, протерла руки от архивной пыли, вручила салфетку Гектору. Они сдвинули дела и занялись круассанами и сэндвичами, запивая их минералкой из одной бутылки. Из горла.

Затем вернулись к чтению.

Кипа проверенных уголовных дел медленно, но неуклонно росла. За окном уже багровел закат. День клонился к вечеру, когда они закончили и с толстыми одготомниками. Однако впереди их ждала гора тоненьких папок. Катя пока не знала, что это – либо приостановленные по каким-то причинам дела, либо другие всяки, где расследование заглохло, либо что-то еще.

Рубленные раны лица... Женщина, связанная бельевой веревкой... Убийца, ее муж, задержан...

Пожар... деревянный сельский дом с террасой сгорел дотла...

Теги все повторялись, вводные совпадали, однако не приближались ни на йоту к картине, описанной тромбонистом Зарецким в его странном состоянии шока после удара молнии. Катя уже всерьез сомневалась – не призрак ли они ищут на пожелтевших страницах? Гектор убежден, что парень что-то видел. Но даже если это правда, совпадала ли картина в реальности с его описанием? Вчера в больнице он сказал им, что ничего не помнит. Но они все равно упорно ищут, копаются в ворохе жутких фотографий с мест старых происшествий, где изуродованные тела, сожженные трупы, хаос, смерть...

За окном сгущались августовские сумерки. Гектор включил в кабинете свет. Они читали, читали... Оба уже вконец обалдели от обилия пустой ненужной информации.

В восемь вечера в кабинет заглянул сотрудник архива.

– У вас полчаса и закругляйтесь, – объявил он. – Мы посменно. Ночная дежурная смена работает по новому запросу. Старый, даже по тридцать шестой форме, уже недействителен. Новые правила. Так что вам придется покинуть архив.

– Ничего, Катенька, я потом новый запрос организую. А что не успеем отфильтровать сегодня, попрошу сохранить в накопителе, – утешил Гектор Катю. Однако сам он выглядел озадаченным новыми правилами.

Стопка тоненьких папок, казалось, даже не уменьшилась. Катя прикинула – дел пятьдесят еще.

– Ну, тянем наудачу, как в картах, – усмехнулся Гектор. – У вас рука счастливая? У меня точно нет. Выбирайте вы. Каждому по две карты... то есть корочки с *бумаженциями*. *Тройка, семерка, туз... перебор!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.